

Дмитрий Емец

Золото скифов

Дмитрий Емец

Золото скифов

«Емец Д. А.»

2018

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Золото скифов / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2018

В одну страшную грозовую ночь из музея тихого приморского городка пропадает скифская золотая чаша. Никаких отпечатков пальцев или следов не обнаружено, чаша словно растаяла. Город взбудоражен: может быть, дело в проклятье, которое преследует клад из скифских курганов? Живущие по соседству с музеем ребята берутся за расследование! Дмитрий Емец – известный детский писатель, его произведениями зачитываются дети самого разного возраста, а суммарный тираж книг превысил 5 000 000 экземпляров.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д. А., 2018
© Емец Д. А., 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	32
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Емец

Золото скифов

© Емец Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моему сыну Ивану посвящаю

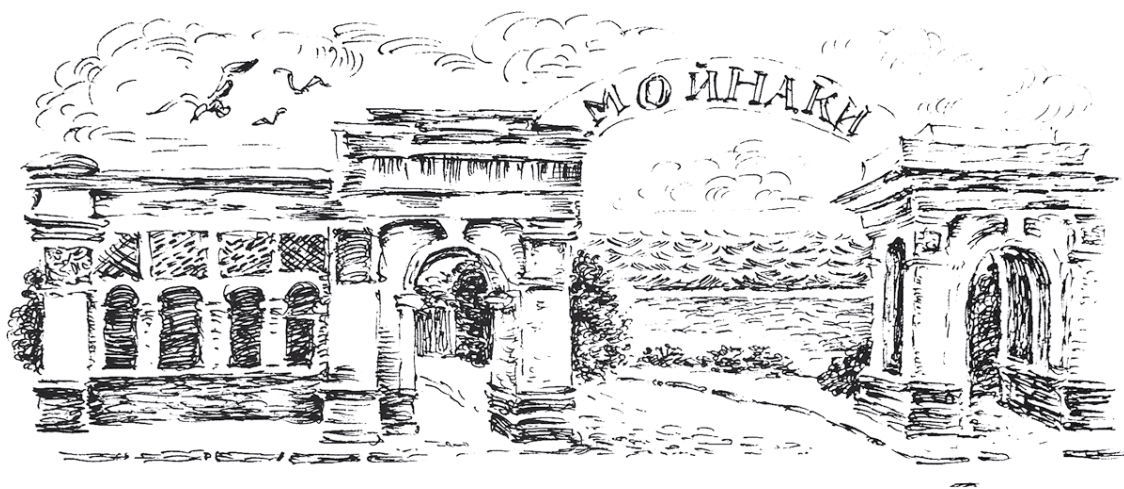
Жить для детей – это здорово. Но лучше жить вместе с детьми, и жить насыщенно. Дети не прощают родителям, когда у них только одно занятие – родительство. Поэтому жить надо интересно, тогда и детям будет интересно смотреть, как ты живешь.

Папа Гаврилов

Глава первая Золото скифов

Хотите секрет вечного счастья? Записывайте! Идете в зоомагазин. Покупаете штук двадцать сверчков. Они продаются как корм для ящериц и стоят дешево. Сажаете их в пластиковый контейнер, положив туда разрезанную картонную упаковку для яиц. Изредка кормите тертой морковью, поите из мокрой кухонной мочалки и с утра до вечера наслаждаетесь звуками.

(с) Саша

Большая семья Гавриловых – папа, мама и семеро детей – оправилась в поход вокруг озера Мойнаки. Вообще-то озеро было лиманом и примыкало к морю так плотно, что в одном месте остался лишь узкий перешеек. Но всё равно его почему-то называли озером.

Сейчас, в начале июня, немало горожан выехало сюда на пикники. Повсюду на перешейке стояли раскладные мангалы – или без мангалов над углями на шампурах жарилось мясо. Аппетитные запахи отвлекали юных Гавриловых от похода. Дети то требовали пить или есть, то устраивали сидячую забастовку. Поход, длившийся уже три часа, им порядком поднадоел. Папа Николай, которому то и дело приходилось тащить кого-нибудь из младших на руках и выслушивать капризы старших, ворчал, что для современных детей нужны гуляльные кандалы.

– Всё замечательно! Мы на свежем воздухе! Ты же всегда рассказываешь в интервью, что любишь походы! – успокаивала его мама Аня.

Она шла самой первой. Порой останавливалась и то выуживала из травы красивую ветку, то поднимала с песка ракушку. У мамы были уже заняты руки и полны все карманы, так что, когда она брала что-то одно, что-нибудь другое у нее обязательно падало. Все эти вещи нужны были маме для поделок. Папа и дети смотрели на нее с беспокойством. Они помнили, как в прошлый раз мама нашла замечательную гранитную глыбу и не успокоилась, пока они не забрали ее с собой.

– Такая чудная маленькая глыба! Поднималась со дна моря, откалывалась от скалы и ждала нас на этом месте восемьсот миллионов лет! Неужели мы отвернемся от нее и пройдем мимо?

Разумеется, отказать глыбе, прождавшей их так долго, было невозможно. Гавриловы попытались погрузить ее на детскую коляску, но в коляске что-то треснуло, и глыбу пришлось катить по асфальту километров пять.

За мамой аистом вышагивал старший сын Гавриловых одиннадцатиклассник Петя. По сторонам не смотрел, а глядел на экран телефона, по которому перемещалась точка гугл-карты. Пете важно было уличить карту в неточности.

– Это что тут на карте? Грунтовка! А по факту тут что? Асфальт! Врет карта! – то и дело восклицал он.

У Пети в последние месяцы была тяжелая полоса. Чем ближе к ЕГЭ и к поступлению, тем хуже у него становилось настроение. Папа и мама не знали, как его приободрить. Петя регулярно повторял, что удовольствия нет, счастья нет. Предстоящая взрослая жизнь – сплошное уныние и вечная работа. Никаких просветов.

Мама Петиной хандры не разделяла и всячески пыталась его растормошить, одновременно создав ему рабочую атмосферу. Она и одеялом ему угол выгораживала, и загоняла его на старый шкаф, где можно было лежать как на кровати. Но Пете почему-то и за одеялом не работалось, и на шкафу не сиделось. Часа два занятий – и его мозг отключался. Он начинал искать виноватых и, конечно, легко обнаруживал их среди братьев и сестер. Но странное дело: когда Пете никто не мешал, например все братья и сестры были на улице, то он сам бродил по дому и искал того, кто бы ему помешал и оказался виноватым в том, что он не готовится.

Вика, четырнадцатилетняя сестра Пети, захватила с собой в поход двух цвергпинчеров – Вилли и Ричарда. Вести на длинных поводках двух дрожащих собачьих мужчин было не так уж и просто. Они вечно перепутывали поводки и закручивались вокруг столбов. А еще надо было следить, чтобы они не хватали с асфальта и не глотали что попало. Собачки как пылесосы втягивали любой попадающийся им съедобный предмет, а за старое крыло чайки могли даже подрасться.

– А-а-а! – кричала тогда Вика, хватаясь за голову. – Что вы делаете?! А если чайка умерла от туберкулеза?!

– А раздавленная крыса, которую они сожрали минуту назад, от бубонной чумы! – ехидно говорил Петя.

Вика закатывала глаза, прикидывая, не упасть ли в обморок, но на дороге было грязно, и обморок приходилось раз за разом откладывать. Тем более что Вилли уже нашел где-то рыбий хвост и теперь поспешно им давился.

За Викторой вышагивали двенадцатилетняя Катя и девятилетняя Алёна.

Катя, она же Екатерина Великая, была большая аккуратистка. В свободное время она убиралась в своей половине комнаты, складывая вещи по японскому принципу так, что они занимали удивительно мало места. Например, майка сворачивалась и становилась тоньше карандаша.

Алёна, в отличие от Кати, убираться не любила. Она любила рукоделие, а еще слушать аудиокниги и читать. Книги высились в её части комнаты полуметровыми стопками. Вещи же лежали ковром, так что самый простой способ пройти по комнате, не наступив на них, был прошагать по стопкам книг.

– Нет-нет-нет! – говорила Алёна. – Никаких уборок! Я так никогда ничего не найду! Сейчас у меня в комнате всё валяется на своих местах, а после уборки всё аккуратно лежит неизвестно где!

Катя и Алёна волокли за руки семилетнего Сашу – величайшего экспериментатора в мире. Саша ныл, что устал. Поджимал ноги, укладывался на траву, но временами, вырываясь от сестер, пробегал метров четыреста или забирался на высокое дерево. Все прошли километров восемь, а Саша – километров двадцать, потому что в начале похода он все время бегал зигзагами и вопил: «Почему мы идем так медленно?!»

А еще Саша не переставая болтал. Дядя Бубубу, знакомый семьи Гавриловых, как-то предложил ему миллион, чтобы он помолчал в течение двух часов. Вполне серьезно предложил, потому что Саша очень уж ему надоел. Саша выдержал только одну минуту сорок секунд, и Гавриловы так и не разбогатели.

За Катей и Алёной шёл глава семейства папа Николай. На плечах у него сидела трехлетняя Рита и управляла папой, дергая его за уши. Правое ухо – поворот направо. Левое – налево. Правда, папе давно уже надоело слушаться, и теперь он был непослушной лошадью. Отказывался заходить в озеро, отказывался скакать. Хотел сесть за компьютер и работать. К тому же Рита была не самым невесомым ребенком в мире.

– У Риты толстые ноги! Она все время ест! – говорила Вика.

Рита слышала это и надувалась, собираясь заплакать.

– У Риты лучшие круглые ножки в мире! У тебя такие же были! – торопливо возражала мама.

Вика с ужасом смотрела на свои ноги, похожие на палочки циркуля. Теперь волновалась уже она.

– Неправда! У меня никогда не было толстых ног! – заявляла она.

За папой и Ритой по перешейку короткими перебежками двигался пятилетний Костя. Он ловил бабочек и кузнечиков и сажал их в пластиковый контейнер с дырками, проделанными раскаленной вилкой. Все окна в доме Гавриловых были заставлены банками, в которых жили сверчки, богомолы, медведки, палочники, шипящие тараканы, майские жуки и многоножки. Всё это было хозяйство Саши и Кости. Чтобы узнать, как за ними ухаживать, они целыми днями вбивали в компьютер что-нибудь вроде «разведение клопов и тараканов» и возмущались, потому что компьютер предлагал варианты, как от них избавиться. И даже голосовой поиск не помогал. Голосовым поиском компьютера Костя научился пользоваться месяца три назад. Он дожидался, пока от компьютера все отойдут, включал микрофон, набирал полную грудь воздуха так, что казалось, он сейчас взлетит как воздушный шар, и громко-громко кричал:

«Хороший суперский бумажный самый настоящий хороший самолет как его складывать нет не такой чтобы быстро летал а чтобы долго летал не слушайте Сашу что он вопит такой вот хороший самолет и как размножать насекомых тоже».

Перед тем как выйти на перешеек, Гавриловы шли степью. Степь была ровная, плоская, с бугорками сусликов, с частыми алыми вспышками маков по обочинам. По полю перекатывались седые волны ковыля. Они точно отделялись от поля и не имели никакой связи с землей. Под ковылем средним ярусом подрагивали маки. И внизу, неподвижный, важный, едва кланялся ветру клевер. К оврагу у озера жались пришедшие на водопой ивы. Встретилась в

степи и заблудившаяся карликовая сосна. Несколько раз горевшая вместе со степью, сосна была обожжена, но жива и росла наискось, тянулась к далеким горам. Рядом с сосной, ближе к тропинке, стоял серый крестик безымянной могилы. И он не сгорел: огонь пробежал здесь всегда быстро, крест же был обложен камнями.

Отовсюду проступала красота мира, и папа страдал, что не может зачерпнуть ее и перенести в книгу. Много было этой красоты, изливалась она со всех сторон, как хлещут струи в ливень, а он только и мог, что зачерпнуть совсем немного, точно под дождем бегал туда-сюда с банкой.

«Может, проблема в том, что я слишком спешу писать своё и мало читаю книгу Бога, в которой я только один из героев?» – думал он.

Последний месяц папе Гаврилову не работалось. Он мучительно ждал вспышки интереса к чему-либо, которая накроет его с головой как морская волна и передастся читателю. Пока этого увлечения нет, пока ты сам не зажег себя – любая работа бесполезна, можно только собирать материал. Солнце потому и греет, что само чудовишно горячее. Чтобы читатель увлекся, сам писатель должен запылать. Притвориться здесь не получится. Пока же папа то возился с заметками, то вырезал из полосок бумаги сюжетные линии и перекладывал их с места на место, как вдова, раскладывающая пасьянс. Сделал из колоды карт героев, наклеил им лица из выведенных на принтере фотографий и разложил их на столе, надеясь, что так будет легче. Но легче не становилось. Разве что Алёна приделала героям дополнительные ручки и ножки, сделавшие их похожими на жуков.

– Давай ромашек нарвем! – предложила Катя.

– Думаешь, это ромашки? Это пупырыш! Ромашка представлена здесь только одним видом: ромашка ободранная, – важно сказал Саша.

– Не умничай, мелкий! – сказала Катя.

Саша, забывший уже, что устал, вырвался от сестер и нашел в кустарнике застрявшее с прошлого года перекати-поле.

– Костя, возьми его! Готов? – завопил Саша, забегая вперед. – Отпускай! Ловлю!

Костя отпустил. На несколько мгновений круглое перекати-поле недоверчиво застыло, покачиваясь на месте, и вдруг, рванувшись, устремилось вперед. Вертелось, спешило, отрывалось от земли. Подпрыгнув, пронеслось мимо Саши и скрылось в степи. Саша бросился догонять – да куда там!

– А-а! Не поймал! Ты неправильно пустил! – чуть не плача закричал он Косте.

Они вышли к перешейку. На дорогу из камышей выпрыгнул волейбольный мяч. Саша, не раздумывая, схватил его. Вслед за мячом неизвестно откуда выскочил плотный мальчик. Ни слова не говоря, он сбил Сашу с ног и покатился с ним по траве. Всё произошло мгновенно. Саша и мальчик катались по траве, а мяч преспокойно лежал, и на него садились мелкие мушки.

– Кстати говоря, я собирался его вернуть! – пыхтя, объяснял Саша, пытаясь положить мальчика на лопатки.

Из кустарника вышел мужчина в плавках. Он весело, как хорошему знакомому, помахал рукой папе Гаврилову, подобрал мяч и пошел к мангалу. Его сын выпустил Сашу и, победно оглядываясь, устремился за родителем. Саша встал и как ни в чем не бывало отряхнулся.

– Ну что, пошли дальше? – спросил он.

Плотный мальчик издали обернулся и показал Саше язык.

– Не местные... Скорее всего, Сибирь или Северный Урал, – сказал Петя.

– Откуда ты знаешь? – спросила Катя.

– Да это ж видно! Местные, чтобы снять куртку, ждут тридцати градусов. А эти в двадцать голые бегают! И загорелые уже, а местные еще все белые.

– А если, например, женщина встала на отдыхе в четыре утра, до шести утра уже искупалась в море, до семи все переделала, перестирала, до десяти сходила на пять экскурсий и не знает, чем ей еще заняться, то это кто? – спросила мама Гаврилова.

– Скорее всего, педагог, – мгновенно отозвался Петя.

Папа Гаврилов заинтересовался. Наблюдательности Пети он доверял.

– А если рыжеволосая женщина перегородила единственный выезд из переулка и три минуты красит в машине губы, то откуда она?

– Не знаю, – сказал Петя. – На номера машины надо было смотреть, слишком мало сведений.

Низкий рев заставил всех вскинуть головы. Поверхность озера задрожала. На небольшой высоте пронеслась двойка истребителей. Сегодня самолеты были видны во всех подробностях, а порой слышался лишь гул, доносящийся притом не из того места, где самолет находился. Это оттого, что истребитель летел быстрее скорости звука.

– Ну и чего они тут разлетались? Птиц распугали! – заворчал Саша.

Алёна дернула его за руку:

– Ноги не поджимай, мелочь!... Хотят летать – и летают. У тебя забыли спросить!

– А почему обязательно надо мной? Нельзя в другом месте летать?

– Тут приграничная зона. Пока истребители летают – враги не нападут! – авторитетно объяснила Алёна.

– Нет, – возразил Саша. – Можно по-другому, чтобы не напали. Надо переименовать все населенные пункты в пограничной полосе. Назвать их так: «Кто захватит – тот дурак», «поселок Ненужный» и так далее. Тогда ни один враг не нападет!

– А вообще да, – признал Петя, представляя себе заголовки в Интернете: – «Растеряв всю пехоту, неприятель занял поселок Ненужный и с боями прорывается к городу «Кто захватит – тот дурак!»

За озером бесконечным рядом потянулись дома отдыха и санатории. Эти места были Гавриловым уже хорошо знакомы. Здесь они гуляли и прежде, особенно в первые месяцы, когда только переселились в Евпаторию. Тогда, бродя с младшими детьми по неизвестным ещё улочкам и переулкам, папа Гаврилов населил город страшными существами. В люках жили призраки, на чердаках – скелеты, птицы на самом деле были превращенными душами исчезнувших отдыхающих, а памятники по ночам оживали. Сам папа быстро забывал, кого и где поселил, зато дети помнили и по городу шли всегда сложными петлями, обходя все люки, подозрительные чердаки и памятники.

Саша, с поджатыми ногами ехавший на сестрах, внезапно обнаружил, что на проводе у столба висит запутавшийся воздушный змей. И, разумеется, ему сразу захотелось взять его себе. Саша забыл о смертельной усталости и начал карабкаться на столб.

– Не надо! Шарахнет! – забеспокоилась мама.

– Не должно! – авторитетно заявил Петя. – Змей за один провод запутался. Вот если бы за два провода и была бы проволока – тогда другое дело. Или, допустим, веревка змея мокрая и ноги на влажной земле, тогда...

– Ты точно уверен? – спросила мама.

– Процентом на девяносто, – ответил Петя. – Ты же видела, что птицы на проводах сидят? И что? Живенькие, если другой провод не зацепят. Или второй вариант. Представим, что птица одной лапкой ухватится здесь, а другой через километр. Тогда ее убьет разницей потенциалов!

Интересно, когда Саша сейчас на проводе руками повиснет – будет разница потенциалов или нет?

Напуганная мама кинулась стаскивать Сашу со столба, но он уже ухитрился подцепить змея палкой и с ним вместе обрушился на траву. Пока Саша, Костя и Рита разбирались, кому принадлежит змей, Катя обошла столб и увидела приклеенную афишу:

2–8 июня

ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО СКИФОВ»

с 10.00 до 19.00 ежедневно

Краеведческий музей

– О! – сказала Катя. – Со вчерашнего дня выставка, а мы и не знали! Можно сказать, золото скифов теперь у нас в доме!

– Не у нас в доме, а через стену! И не золото скифов, а всего одна только скифская чаша! – возразил Петя.

– Но зато из золота!

– Это да. Здоровенная чаша – и, говорят, красивая! – согласился Петя, и все Гавриловы задумались. Все-таки здорово, когда у тебя через стену, всего в каких-то нескольких шагах, стоит золотая чаша.

Краеведческий музей располагался в особняке, который до революции принадлежал богатому доктору. Парадные двери особняка выходили на центральную улицу города. У дома было два входа – один утопленный, с лесенкой, а другой выступающий – и декоративные балконы с кованой решеткой. На крыше же зубцы – как у крепостной стены.

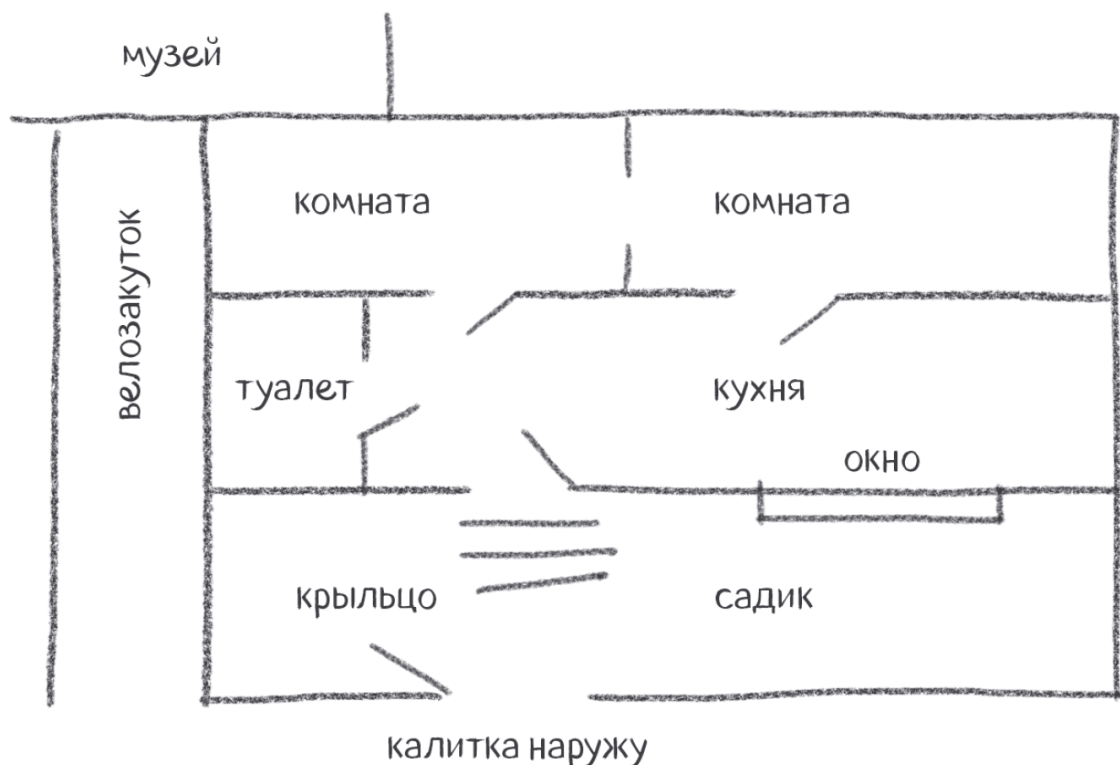
Со стороны переулка доктор пристроил вплотную к дому три невзрачных флигеля буквой П, разбил их на отдельные закуточки каждый со своим крохотным садиком и сдавал внаем. Видимо, идея понастроить много-много каморок и пускать курортников была не так уж нова. Предприимчивые доктора конца девятнадцатого – начала двадцатого века вполне уже ее освоили. После революции дом у доктора отобрали и каждая каморка стала отдельной городской квартирой.

Прежний дом Гавриловых, который они снимали, находился в другой части города, у вокзала. Однако сейчас туда на полтора месяца приехал сам хозяин с внучкой, ее мужем и правнучкой, и Гавриловы на время уступили дом ему.

– Он заметит, что у него в подвале стало меньше банок с вареньем! – страдала Алёна.

– Скорее уж он заметит, что мы пробили в стене еще одно окно. И установили на втором этаже шкаф размером с нашу Вселенную в первые секунды после Большого взрыва. И сломали три стула, и лампу оторвали, и много чего еще, – сказала Катя.

Мама Аня опасалась не столько самого старичка, которого считала добрым, сколько его беспокойной внучки. Внучка у старичка была очень правильная. Например, если в пособии по уходу за детьми было написано, что ребенок не должен проводить на открытом солнце больше двух минут, то после третьей минуты юная мама вызывала «Скорую». Если на нос младенцу садился комар, то он был обязательно малярный. Его убивали всей семьей и тащили в платную лабораторию, откуда неделю спустя приходил утешительный ответ, что комар не опасен. Правда, к тому времени о комаре уже забывали, потому что обычно успевало произойти что-нибудь новенькое, столь же роковое.

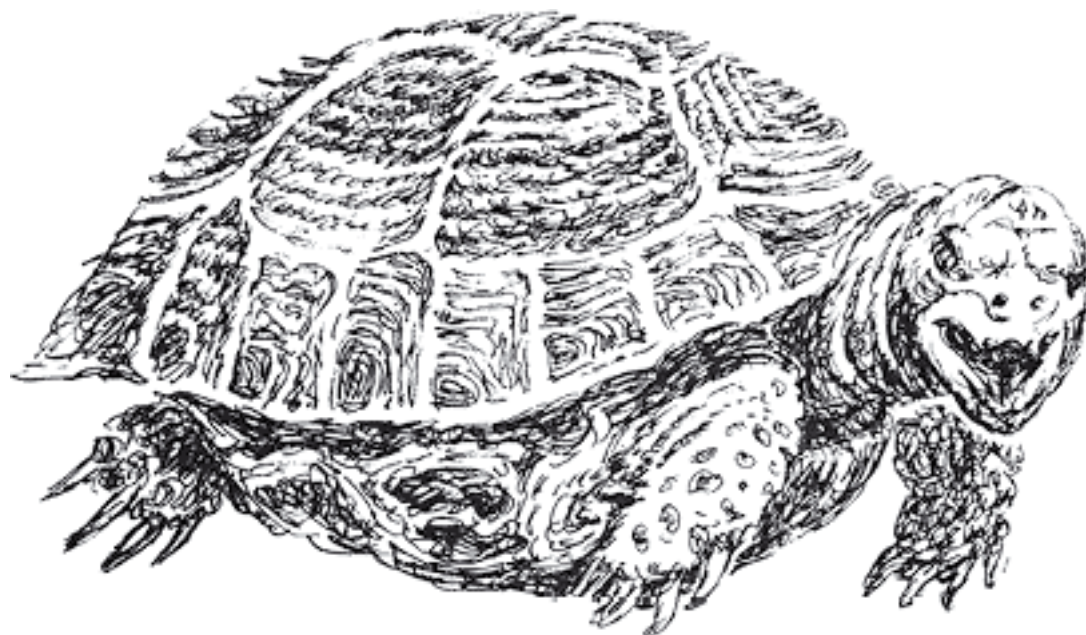

– Ничего! Я такая же была с Петей! Это от обилия сил! К пятому младенцу она будет застирывать штаны прямо на детях и сушить их феном, – говорила мама Аня. Остаться под одной крышей с внучкой старичка она все же не решилась, хотя та и предлагала. Выгоднее было не отскребывать позолоту от иллюзий, что Гавриловы люди приличные. Приличными же все люди бывают только на приличном расстоянии. Поэтому папа Гаврилов был отправлен снимать временное жилье и снял его в курортной зоне в бывшем доме доктора. Теперешнее жилище Гавриловых состояло из двух смежных комнат и кухни. Между комнатами была старинная маленькая печка с покрашенной дверцей. Отопление было газовое, и печку в последние сорок лет явно не топили, но Гавриловым ужасно хотелось растопить ее хотя бы разик и посмотреть, что будет. Правда, папа Гаврилов опасался, что ничего хорошего, потому что труба могла забиться или сама печь растрескаться. Мало ли что происходит с печами за полвека бездействия.

Еще был крохотный садик, в котором стоял деревянный стол, обитый линолеумом.

В двух комнатах и кухне Гавриловым, привыкшим к простору большого дома, было, конечно, тесно. Кровати нашлись только для Вики, Алёны и Кати. Папа, Саша и Костя спали на огромном матрасе прямо на полу. Днем требовалось постоянно оберегать этот матрас от Алёны, которая скакала на нем как белка, поднимая притаившуюся в недрах матраса древнюю пыль.

Мама с Ритой спали на английской раскладной кровати начала двадцатого века, которая очень скрипела. Кроме скрипа у раскладушки было еще одно невероятное свойство: она складывалась сама собой, а вот чтобы разложить ее, требовались совместные усилия папы и Пети. Порой ночью раздавался щелчок как от винтовочного затвора, а потом тихий голос мамы: «Ой!» Это означало, что раскладушка сейчас опять покажет маме и Рите, как пишется английская буква Z.

Алёна спала на кухонном уголке, положив ноги на табуретку, а рядом, под столом, помещались клетки с ее животными. Тут были и крыс Шварц со всеми своими женами, и кролик Чудик, и шиншиллы. В аквариуме же на окне плавала красноухая черепаха Мафия.

Пете места уже не хватило. Поначалу он пытался спать на полу, затем на двух сдвинутых письменных столах, но ему не понравилось, и он перебрался на улицу, повесив между деревьями гамак.

В промежутках между санаториями начали встречаться магазины. При виде магазинов младшая часть семейства Гавриловых оживилась и затянула любимую песенку «Купи, купи, купи, купи!». Они могли тянуть ее часами, особенно Рита.

Даже Алёна поддавалась общему настроению и начала требовать молочный шоколад с трубочкой.

– Кому? – спросил папа.

– Мне, себе, Алёне, – скороговоркой пояснила Алёна, чтобы папа сбился со счета и выдал на троих. Бывали случаи, когда папа слушал рассеянно и это прокатывало.

Навстречу им по набережной двигалась экскурсия. Впереди группы бежала бодрая дама. За ней разбредшимся стадом плелись дети. Все они были одеты по-своему, но с одинаковыми желтыми платками на шее, что означало их принадлежность к одному лагерю. Костя и Рита намертво вцепились в папу. Костя даже зажмурился. Он опасался групп школьников. Петя как-то сказал ему, что в детские лагеря захватывают всех детей подряд и что если вожатый успеет повязать на шею ребенку платок, то это всё, финал. Потом уже не отпустят.

Бодрая экскурсоводша, не оглядываясь и не смущаясь тем, что до ближайшего школьника метров десять, отчетливо рассказывала сама себе:

– Наш город – город-курорт! Известен целебным воздухом и целебными грязями. А теперь обратите внимание на море! Какого оно цвета?

Вопрос про море был обращен к Кате, которая оказалась к ней ближе, чем ее собственная группа.

– Синего, – сказала Катя, чтобы порадовать тетеньку. Разумеется, Катя, как будущий художник, знала, что море бывает какого угодно цвета, кроме синего.

– А почему называется Черным? – спросила экскурсоводша.

– Чтоб враги не догадались! – выпалила Алёна, чтобы поддеть Сашу.

Экскурсоводша посмотрела на неё с тревогой.

– В бурю море черное, – опять пришла на выручку Катя.

– Правильно, девочка! А еще греки называли его Русским морем, а наши предки – Греческим.

– Ясное дело! Это как с рыжим тараканом, – авторитетно заявил Саша. – Немцы называют таракана «русский таракан», а мы называем его «прусак». Они думают, это мы им занесли таракана, а мы думаем – они. А на самом деле таракан расселился из-за изменения климата.

– Молодцы, детки! – похвалила экскурсоводша. – Вы не из нашего лагеря? Почему вы без платков? Вам повязать?

– У-у-у-у! – донеслось откуда-то из-за папиных штанин. Это был Костя, решивший, что это всё, конец.

Папа Гаврилов любил Старый город, особенно приморскую его часть. Когда он гулял здесь, то гладил старые дома, как котят. Проводил подушечками пальцев по бугристым камням. Старался запомнить их, чтобы можно было отличать дома на ощупь, с завязанными глазами. Гладил дома и думал о том, что рук, которые вырубали эти камни в карьерах, пилили, привозили, строили, резали по камню и дереву, ковали балконные решетки, давно уже нет, но кажется, будто эти люди всё ещё здесь, и оттого старые дома, умноженные на душу создателя, кажутся живыми.

Папа Гаврилов учился считывать язык старых городов. Вот это, например, что за покрашенный металлический выступ в кольце, похожий на одинокий зуб в распахнутом рту великана? Петля от ворот? Нет. К этому кольцу привязывали лошадей. Папа Гаврилов показал кольцо Алёне. Алёна кивнула и посмотрела под ноги, на старую брусчатку. В двух соседних камнях – след неглубокой, но отчетливой борозды, ведущей к воротам.

– А вот и доказательство! – сказала Алёна, и они с папой важно кивнули друг другу. Сюда, к арке, ведущей в старый двор, год за годом приезжал водовоз с тяжелой бочкой. Пока он носил и черпал воду, не бросать же лошадь непривязанной? Отсюда и кольцо.

* * *

Полчаса спустя Гавриловы добрались до докторского дома. Вдоль стены краеведческого музея тянулся длинный хвост очереди. Очередь загибалась даже за одну из двух больших корабельных пушек, целящихся прямо в санаторий напротив. У входа в музей стояли двое полицейских.

Гавриловы изумленно застыли, разглядывая очередь. Они никогда не видели здесь столько народу. Даже в День музеев, когда все музеи становились бесплатными.

– Может, нам тоже сходить? – предложила Вика.

– С такой очередью? Обидно! У нас чаша через стенку! – Петя остановился и, почесывая нос, покосился на парочку у стены. Молодой мужчина в белой рубашке фотографировал застывшую в живописной позе женщину.

– Взгляни-ка на тех типов! Только незаметно! Они фотографируются возле электрического щитка! – шепнул он Кате.

– Ну и чего? – равнодушно отозвалась Катя.

– Да ничего! Но как-то странно... Ты через всю страну едешь к морю, чтобы сфотографироваться возле электрического щитка! А они везде одинаковые.

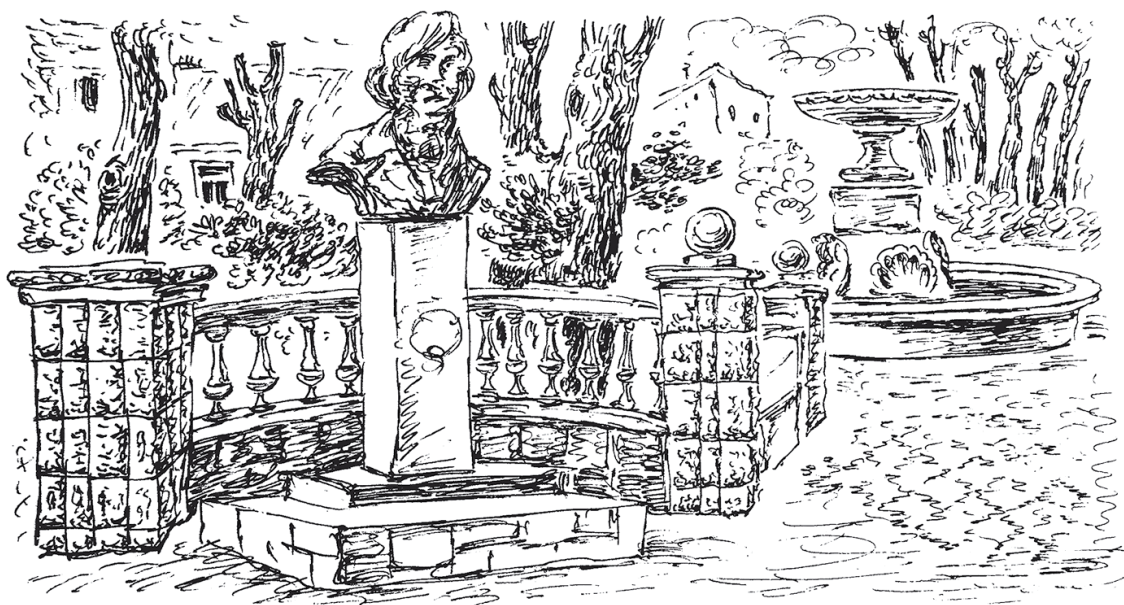
– Ну и пускай. Есть люди, которые вообще возле всего фотографируются. Я с луной, я без луны, я с чашкой, я без чашки, – заметила Катя.

– Между прочим, это та самая женщина, которая красила губы в машине. Да, точно она! Только с волосами у нее что-то не то! Та рыжая была, а у этой волосы почему-то темные, – растерянно произнес папа Гаврилов.

– Как они могли из рыжих стать темными? – удивился Петя.

– А я откуда знаю? Рита, что ты делаешь с моими ушами?! Засовываешь в них фантики от конфет?! – завопил вдруг папа.

Рита смутилась и спрятала руки за спину. Она была девочка культурная и просто так бумажки бросать не любила. Вечно сворачивала их и искала, куда затолкать.

Гавриловы прошли мимо фасада музея и, просочившись между громадных бетонных клумб, отгораживающих пешеходную улицу от остального города, свернули в свой переулок. Здесь было уже тихо. Всего десяток шагов – и ты уже в какой-то другой реальности. Газоны с каменными плитами и скифскими бабами, заросшие сухой высокой травой. Сырые, в точках мха, стены доходных домов с арками. Ржавые, с редкими пиками, ворота. Можно убрать припаркованные машины, пустить статистов – караима, ведущего навьюченного ослика; греческого моряка, воркующим голубем прохаживающегося вокруг скромной молочницы; двух раввинов, оживленно ведущих богословский спор; барышню, трясущуюся по брусчатке на велосипеде балтийского завода, – и декорации готовы. Можно снимать исторический фильм.

Саша и Костя начали вдруг толкаться, и оба покраснели как свекла. Не втиснись между ними Алёна, они бы подрались.

– Эй, мелочь, брек! Вообразите: они спорили, кто круче – Маугли или Тарзан! – крикнула Алёна.

– Осторожно! – воскликнула мама.

Гавриловы прижались к стене. Из примыкавшего к музею общего двора, где и был их закуток с отдельным садиком, озираясь, вышли двое мужчин. Один был тощий, с жилистыми руками, до плеч покрытыми татуировками, а другой – мрачный, мощный, с большим живо-

том. Этот второй шел опустив голову и пряча лицо, однако огромной черной бороды было не скрыть.

«Карабас-Барабас!» – прошептала Алёна, потому что он был действительно очень похож.

– Ой, я этого бородатого знаю! Это Бугайло – хозяин такой большой гостиницы! У него еще джип громадный! А этот второй, с татуировками, его водитель! – сообщила Катя, когда странная парочка удалилась.

– Интересно, что они в нашем дворе делали, – забеспокоилась Алёна и кинулась проверять, на месте ли ее самокат.

Между двумя пристройками еще с докторских времен существовал узкий проход, который называли ничейным закутком. Вёл этот проход к живописному сараю с двумя деревянными дверями такой степени ветхости, что художники вечно кидались их зарисовывать.

В ничейном закутке сегодняшние жители бывших номеров хранили свои велосипеды и детские коляски. Алёна держала там свой любимый самокат с надувными колёсами. Надувные колеса – вещь капризная. Приходится постоянно заклеивать в камерах дырки. Зато можно взлетать на бровки, гонять по мостовой и не трястись по неважному асфальту. Широкие надувные колеса всё вытерпят.

Самокат был на месте. Зато Саша стал вопить, что пропала его ковырялка. Ковырялка была куском железной трубы, прежде служившей ножкой для шашлычницы. Мощности ковырялка была необыкновенной. Саша и Костя взламывали ею трухлявые пни, выискивая в них личинки жуков.

– А-а-а! – кричал Саша, повсюду заглядывая в поисках ковырялки. – А-а-а! Я говорил, что надо ее домой взять? Говорил! А вы! А-а-а! Я до конца жизни вам этого не прощу!

– Перестань вопить мне в ухо – или твоя жизнь оборвется прямо сейчас! Кому могла понадобиться дурацкая труба? – строго сказала Катя.

Саша успокоился, только вспомнив, что ему надо срочно нарезать шиповника для колючих палочников. Поблизости шиповник рос только в одном месте: на огороженном участке возле самых ворот. Этот крохотный садик принадлежал молодой женщине по имени Кристина.

Кристина – высокая, худая, всегда ходила в длинном шелковом шарфе. Личность она была в высшей степени таинственная и необщительная. Чем она занималась, никто не знал. Почти каждый вечер Кристина куда-то удалялась, волоча за собой большой самодельный ящик, обкрученный рыболовной сетью и декорированный как пиратский сундук. Изначально ящик был на маленьких колесиках, но потом его переставили на колеса от детского велосипеда. Возвращалась домой Кристина не раньше двух-трех часов ночи. Днем же или спала, или бродила по двору, кутаясь в плед и выискивая места с ярким солнцем. Обнаружив такое место, она ставила складной стул и сидела, прихлебывая горячий чай.

У Кристины было двое детей. Девятилетний сын Алёша и пятилетняя дочка Варя. Тихая, робкая Варя говорила всегда шепотом. Просто стояла в сторонке и шевелила губами. Собеседник слышал непонятное шуршание и понимал, что его о чем-то спрашивали, только минут через десять, когда Варя уже ушла и отвечать было некому.

Алёша был круглый смуглый мальчик, не толстый, но точно литой. Весь день он сидел во дворе и или что-то выпиливал, или разбирал старые механизмы. Варя постоянно находилась с ним рядом и о чем-то тихо его спрашивала, а он так же тихо ей отвечал. Гавриловы не понимали, как такое возможно, что поблизости двое детей, а их не слышно и не видно. Учился Алёша неважно, в чтении тоже не был замечен, но когда мама Гаврилова увидела макет городского театра, который он выпилил лобзиком просто на глаз, абсолютно никем не побуждаемый, то как человек творческий восхитилась и заявила, что мальчика надо взять себе. Это не мальчик, а сокровище!

Саша и Костя ползли вдоль забора, подбираясь к усыпанному цветами шиповнику. Они знали, что Кристина его бережет и не собирается делиться им с колючими палочниками. Кристина никогда не ругалась, не кричала, но бесшумно, как удав, подкрадывалась к расшалившимся детям Гавриловым, выкидывала вперед палец и начинала сильно им дергать, точно стреляла в них из невидимого пулемета.

Если бы Кристина вопила, Саша и Костя боялись бы ее меньше, а тут сухая, подкрадывающаяся фигура в черном платье, зловещее молчание и лишь палец трясется в воздухе.

– Она колдунья! – утверждала Алёна. – Я видела, как она предметы глазами перемещает! Смотрит на что-нибудь, а оно шевелиться начинает!

– Это не колдовство, – спорил Саша. – Это левитация!

– Да-а? А этот ее сундук? Как-то она его открыла, а я случайно мимо проходила! Она меня увидела и захлопнула его так резко, словно чего-то испугалась.

Костя и Саша прокрались к садику Кристины и затаились между столбиком давно исчезнувших ворот и ржавой сеткой участка, огораживающей садик другого соседа – Адама Тарасюка.

Этот Адам Тарасюк был личностью уникальной. Маленького роста, но широкий в плечах и мощный в груди, он походил на гнома и обладал феноменальной физической силой. Когда-то давно Тарасюк приехал в Крым с Волыни и работал учителем физкультуры в школе, в которой учились дети Гавриловых. Петя утверждал, что в школе о нем ходят легенды. Говорили, что он может подтянуться на одной руке и что однажды, рассердившись на ученика, Тарасюк перекинул его через волейбольную сетку прямо на гимнастические маты.

Просовывая руку за сетку и срезая ножницами молодой побег шиповника, Саша развивал теорию, что Бог сотворил Адама и Еву голыми, чтобы они не тратили природные ресурсы.

– Чтобы была рециркуляция, понимаешь? – говорил он.

Костя важно кивал. Последние полгода Саша ходил в биологический кружок, и все мысли у него были сугубо биологические. На срезанной ветке шиповника оказалась гусеница.

– Черноточечная моль? – авторитетно спросил Костя.

– Ха! И где у нее черные точки? Ты только свою моль и знаешь! – заявил Саша. – И потом, разве у моли кормовое растение шиповник?

Неожиданно на Костю и Сашу упала тень. Братья присели на корточки и затаились, думая, что это вернулась Кристина. Но нет. В общий двор, не заметив их за столбиком ворот, осторожно проскользнули мужчина и женщина. Женщина остановилась возле желтой газовой трубы, шедшей через двор к музею, а мужчина ее сфотографировал. После этого они быстро выскользнули на улицу.

Радуюсь, что это оказалась не Кристина, Костя и Саша вернулись домой и стали кормить палочников.

Глава вторая

Страшная ночь

Алгоритм совершения идеального преступления в Англии в конце XIX века.

Шаг первый. Убить Шерлока Холмса.

Шаг второй. Совершить какое угодно преступление.

(с) Петя

К вечеру город обложило тучами. Первый ярус туч был почти черный. Второй – фиолетовый. И третий, видный только местами, в разрывах, состоял из легких светлых облаков, подсвеченных заходящим солнцем. Легкие облака быстро неслись куда-то, то нагоняя друг друга, то расставаясь, в то время как первые два яруса висели неподвижно и лишь меняли форму.

– Дождь будет! Закройте окна, а то стекла ветром побьет! – озабоченно сказала мама Гаврилова.

Саша и Костя торчали на крыльце и, задржав головы, смотрели в небо. Ласточки проносились так низко, что чудом не задевали плоские черепичные крыши. Костя и Саша надеялись, что какая-нибудь ласточка врежется в трубу и тогда можно будет ее поймать.

– Она потеряет сознание, а мы будем ее выхаживать! – мечтал Костя.

– А если не потеряет? – беспокоился Саша.

– Ну не потеряет и не потеряет. Все равно она не сможет взлететь.

– Костя! Это стрижи не могут взлетать с земли! У них слишком длинные крылья. А ласточки могут.

– А если стриж потеряет сознание, мы его наловим?

– Наловим! – успокаивал брата Саша. – И стрижей наловим!

Но стрижи пока сознания не теряли, да и ласточки не спешили врезаться в трубы. Воздух то совсем замирал, то вдруг порывами налетал ветер – такой сильный и внезапный, что старую иву укладывало ветвями на землю. И все это происходило почти в полной тишине. Ива укладывалась, потом поднималась, отряхиваясь, и опять лишь черные тучи висели над городом.

К Саше и Косте подошла Рита, только что избавленная мамой от скотча, и тоже уселась на крыльцо ждать, пока сверху начнут сыпаться оглушенные ласточки.

– Мальчики, мальчики! Первая птичка моя! И я вам ее не дам! – торговалась она.

Рита делиться пока не умела. Ей нужно было «всё моё». Мои игрушки, моя тетрадь, мой пластилин, моя ручка. Всё это складывалось в старый рюкзак, который задвигался в ящик под кроватью.

– Хорошо! – согласился Саша. – У тебя шоколадка была большая? Тащи ее сюда! Меняем на птичку!

Рита подумала и, так как птичка была соблазнительнее, достала из своего рюкзака шоколадку. Братья ее мигом съели и даже с самой Ритой немного поделились.

Стемнело. Ласточки исчезли. Изредка над крышами проносилось что-то стремительное, но не такое пластичное в движениях, как ласточки. Это летучие мыши охотились за мотыльками. Слышно было, как вдали ревет штормовое море.

Гавриловы потолкались на кухне еще с полчаса, а потом мама сказала «Спокойной ночи!», потушила свет и легла на скрипучую раскладушку к уже спящей Рите.

Комнаты были смежные, стены тонкие. Чтобы никого не разбудить, приходилось ложиться рано и всем вместе. Петя, привыкший бодрствовать ночами, ушел во двор. Сквозь жалюзи было видно, как вспыхивает его фонарик. Петя пытался читать при свете фонарика и временами дико хохотал. Папе Гаврилову это казалось подозрительным. Петя утверждал, что готовится к математике, но уж больно смешными были его математические формулы.

– Тебе не холодно в гамаке? Если пойдет дождь, приходи на кухню! – крикнула с раскладушки мама.

– Нет уж. Я в нашем микроавтобусе лягу, – отозвался Петя.

Папе Гаврилову не спалось. Он лежал в тишине комнаты и прислушивался к звукам. Звуки были непрерывными, доносились из разных мест, и каждый имел свое значение. Вот

чешутся и зевают в темноте собаки. Вот черепаха Мафия ударилась краем панциря о стенки аквариума. Вот пискнула морская свинка. Вот Шварц, владыка крысиного гарема, скребет дверцу клетки. Вот где-то наверху в небе прогрохотал гром. Пронесся ветер, застонали листы жести на крыше соседнего дома, будто заплакали на чердаке одинокие привидения. Хлопнула раздвижная дверь микроавтобуса. Это Петя отправился спать.

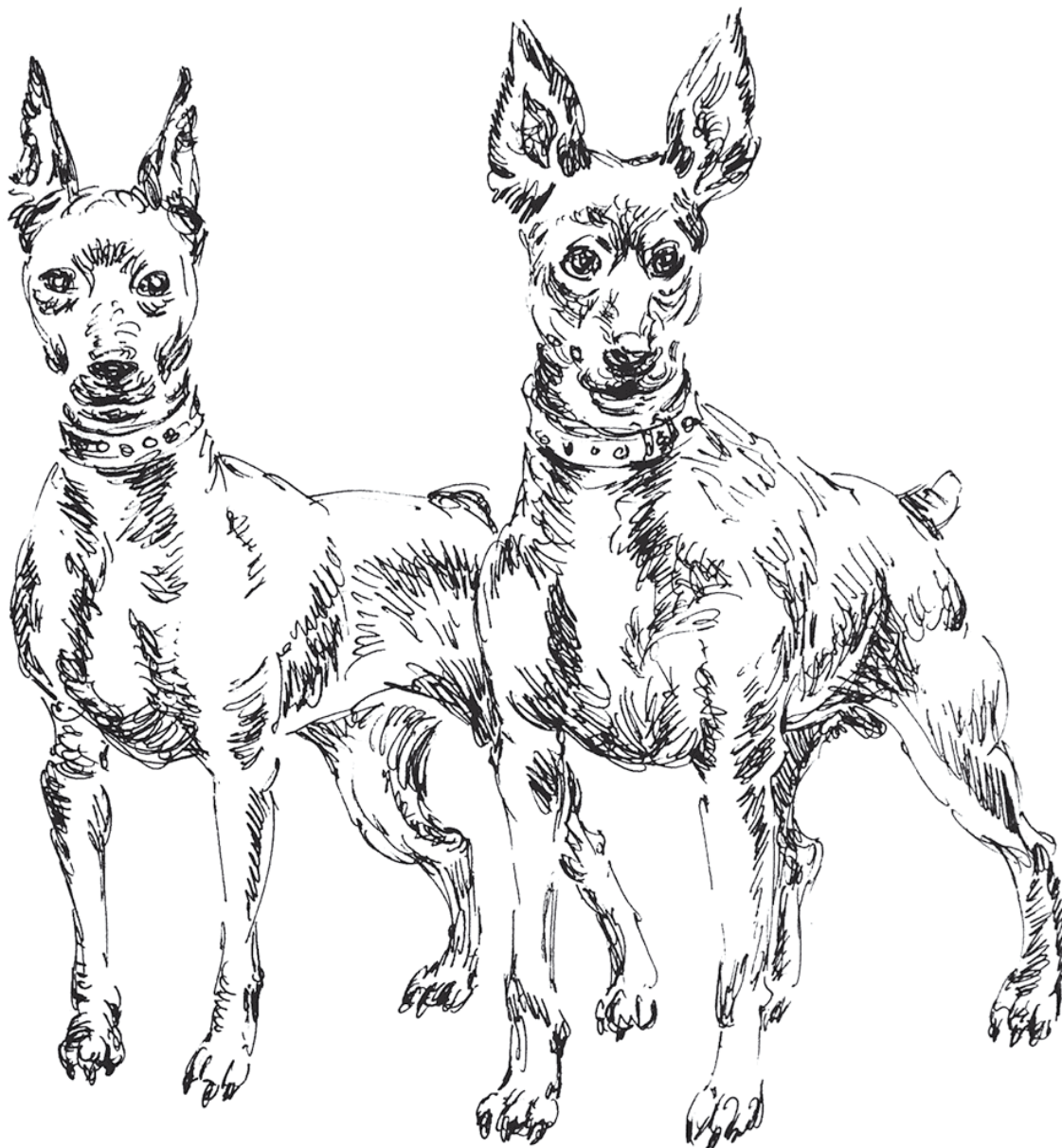
Папа начал уже проваливаться в сон, когда что-то тяжело и одиночно ударило по подоконнику. Затем кто-то постучал в стекло невидимым пальцем: раз-два-три. Это было сигналом, потому что уже через мгновение все вдруг забарабанило, загудело. Хлынул дождь, такой сильный, словно кто-то приподнял море и, устав держать, отпустил его.

Временами звуки дождя затихали и грохотал гром. Удары молний и гром почти совпадали. Огромный электрический кнут стегал город. Вот он ударил в крышу подстанции, вот в парк у моря, вот тремя близкими ударами прошелся по набережной. Затем край электрического кнута высоко вскинулся, грозно выгнулся, томительно застыл – и совсем близко что-то оглушительно треснуло. Окна осветились потусторонним светом. Подпрыгнула на столе посуда. Сам собой открылся холодильник. Заплакала, проснувшись, и сразу же заснула Рита. Папа понял, что молния ударила в здание музея.

Постепенно молнии стали затихать, и остался один дождь. Он лил, лил, лил, лил, не ведая ни остановки, ни передышки. Папа заснул, и звуки дождя вплетались в его сон. Папе снилось, будто город затопило и дом плывет. И покачивается, и выплывает из города, и плывет куда-то дальше, и они отталкиваются длинным шестом, чтобы их не унесло в море. Потом и дом куда-то исчез и остался лишь плот. И на этом плоту кроме детей были еще и собаки. Вилли и Ричард оглушительно лаяли, боясь спрыгнуть в воду. В этот момент по крыше словно дятел клювом застучал, и папа сквозь сон подумал, что странный какой-то гром.

– Мне стра-а-а-ашно! – сказал кто-то на ухо папе.

Папа привстал. В его руку вцепился испуганный Костя. Вилли и Ричард носились по кухне и лаяли, вскидывая морды к потолку. За окном только начинало рассветать. Дождь больше не лил, и дом не плыл и не раскачивался. «Сел на мель», – подумал папа.

– Я слышал! По крыше кто-то ходил! – пискнул Костя.

– Это гром, – сказал папа и, упав головой на подушку, мгновенно уснул.

На этот раз ему ничего уже не снилось. Спал он долго и проснулся от пения птиц. Пение было назойливым и повторяющимся:

– Пилик-пик-пик! Пилик-пик-пик! Пик-пик-пилик!

Казалось, птички сидят на голове и долбят маленькими клювиками по барабанной перепонке. Некоторое время папа Гаврилов сквозь сон умилялся, что вот птички проснулись после дождя и радуются выползшим на асфальт червячкам. Но тут птички начали кричать человеческими голосами, стучать по закрытой калитке, и папа сообразил, что птички на самом деле были электрическим звонком в дверь.

Папа закутался в одеяло и, шлепая босыми ногами, отправился открывать. Звонок продолжал надрываться. Звуки растягивались. Птичка хрипела простуженным басом. Должно

быть, у нее садилась батарейка. Еще не дотянувшись до замка, папа услышал, как хлопают калитки и открываются двери соседних закутков. Видно, звонили и в них тоже.

К ногам папы испуганно жались Рита, Костя и Алёна, тоже разбуженные простуженной птичкой. Саша, как всегда, спал вмертвую. Поднять его не смог бы и пушечный выстрел. Разве что произнесенное шепотом «Где Сашины богомолы? Тшш! Давайте покормим их без Саши!» заставило бы его мгновенно вскочить.

Папа вышел на крыльцо. Из-за одной его ноги выглядывала Рита, из-за другой – Костя. Алёна пряталась за его спиной, вооруженная кроликом Чудиком. Кролик выглядел безобидным, зато здорово лягался. Удар его задних лап был таким мощным, что однажды, когда кролик случайно попал Пете в солнечное сплетение, Петя от боли присел на корточки.

У бывших докторских ворот, преградив выезд с общего двора, мигала проблесковым маячком полицейская машина. По ту сторону калитки стояли двое мужчин. Один, в белой рубашке, был лет тридцати, высокий как каланча, розовый, радостный и, видимо, добрый. Папе он напомнил богатыря Добрыню Никитича. Такие же светлые брови, такой же прямой взгляд, только бороды нет.

Его спутник был небольшого роста, зато стремительный и подвижный. На фотографиях он, должно быть, выходил всегда смазанным. Он то приседал и заглядывал под калитку, то трогал листья винограда, то начинал ногтем ковырять царапины, оставленные ключом вокруг замочной скважины. Усы, украшавшие физиономию стремительного человека, походили на брови, а брови походили на усы. Из-за этих переставленных усов и бровей его лицо совершенно запутывало, и хотелось встать на голову и поглядеть, как оно будет выглядеть в перевернутом виде.

Между двумя мужчинами стоял Петя и уныло мигал себе фонариком в правый глаз.

– Что ты делал в автобусе? Прятался? От кого? – строго спрашивал у Пети бритый Добрыня Никитич.

– Пятьдесят первая статья Конституции Эр-Эф! Человек имеет право отказаться от дачи показаний против самого себя и против членов своей семьи! – гордо отвечал Петя.

Увидев папу Гаврилова, Добрыня переключил внимание на него.

– Мы из полиции, – сообщил он.

– Ух ты! Настоящие полицейские! – радостно пропищал Костя. Он вечно путал слова «милиционер» и «полицейский».

Добрыня нахмурился, прикидывая, не обидеться ли ему на «полицейского». Но обижаться на Костю было глупо, и он ограничился тем, что подтолкнул Петю немного вперед.

– Вам известен этот молодой человек? Он утверждает, что живет тут!

Папа Гаврилов изучающе посмотрел на Петю.

– Пап, не давай показаний, кто я! – потребовал Петя.

– Это мой сын Петя, – сразу прокололся папа. – А что он натворил?

– Скрывался под пледом вон в том микроавтобусе!

– Это наш микроавтобус. А что под пледом – так он всегда с головой накрывается, когда спит. Разве законом это запрещено? – спокойно уточнил папа.

Полицейские недоверчиво переглянулись:

– Спит? И часто он там спит?

– Нередко! Он вообще спит в разных местах. Иногда в гамаке. Иногда в машине, – сказал папа.

– Однажды на дереве привязался и спал! – пискнул из-за папиной ноги Костя.

Косте полицейские поверили больше, чем папе. Великан перестал держать Петю за локоть. Петя мигнул фонариком в последний раз и прошел в дом. Полицейские втиснулись на участок следом за ним и, мешая друг другу, остановились у крыльца.

– Следователь капитан юстиции Владимир Матушкин! – представился Добрыня Никитич, показывая удостоверение.

– Оперуполномоченный отдела уголовного розыска лейтенант Максим Ушицын! – сообщил его спутник, заглядывая внутрь сваренных из труб перил, куда дети вечно засовывали жвачку и фантики.

– Ой! – в восторге воскликнула Алёна, выскакивая на крыльцо с кроликом. – Везет вам с фамилией! Целых два правила!

Лейтенант Ушицын нахмурил брови, не ведая, что нахмурил усы:

– Какие еще два правила?

– Ну как же! «Жи/ши» пиши с буквой «и»! Раз! И «Цы»! «Цыган на цыпочках подошел к цыпленку и сказал ему цыц!» Ой, а вас тут нет! Значит, вас надо писать через «и»!

Ушицын не стал писаться через «и». Он так и дрожал от желания чего-нибудь раскрыть. Посмотрел направо, посмотрел налево, потом вверх, потом вниз.

– Так-так! – проницательно сказал он и, наклонившись, поднял с асфальта какой-то вытянутый предмет. Это был глиняный осколок – толстый, с желобком, чуть позеленевший с одного края.

– Что это? – спросил Ушицын разоблачающим голосом.

– Кусок старой черепицы! – посмотрев, сказал папа Гаврилов.

– А как он сюда попал?

– Свалился, наверное, откуда-нибудь, – легкомысленно ответил папа.

– Откуда свалился?

– Видимо, с крыши.

– А участок ваш? Вы же здесь живете?

– Сейчас мы, – признал папа.

Ушицын учуял это «сейчас» и вновь нахмурил усы:

– То есть обычно вы живете не здесь?

– Мы тут временно, пока у нас ремонт, – уточнил папа Гаврилов.

– Так-так! – пробормотал Ушицын и сделал пометку в блокноте.

Матушкин тоже посмотрел на черепицу, но в руки ее брать не стал, а легонько тронул носком совершенно тупое сверло, валявшееся на бетоне рядом с лупой.

– А сверло зачем? – спросил он.

– В бетоне дырки делать, – объяснил папа.

– С какой целью?

– Чтобы диким муравьиным маткам было куда заползать, – сказал папа, понимая, что для нормального человека это звучит как бред.

Однако Матушкин, видимо, не был настолько нормальным человеком. Его лицо чуть шевельнулось. Очень незначительно шевельнулось, однако папе Гаврилову отчего-то показалось, что капитан улыбнулся.

– Понятно. Как же им заползать через бетон? Через бетон они не могут! – признал Матушкин.

– А что случилось? – спросил папа Гаврилов.

Ушицын устремил на него проникновенный взгляд.

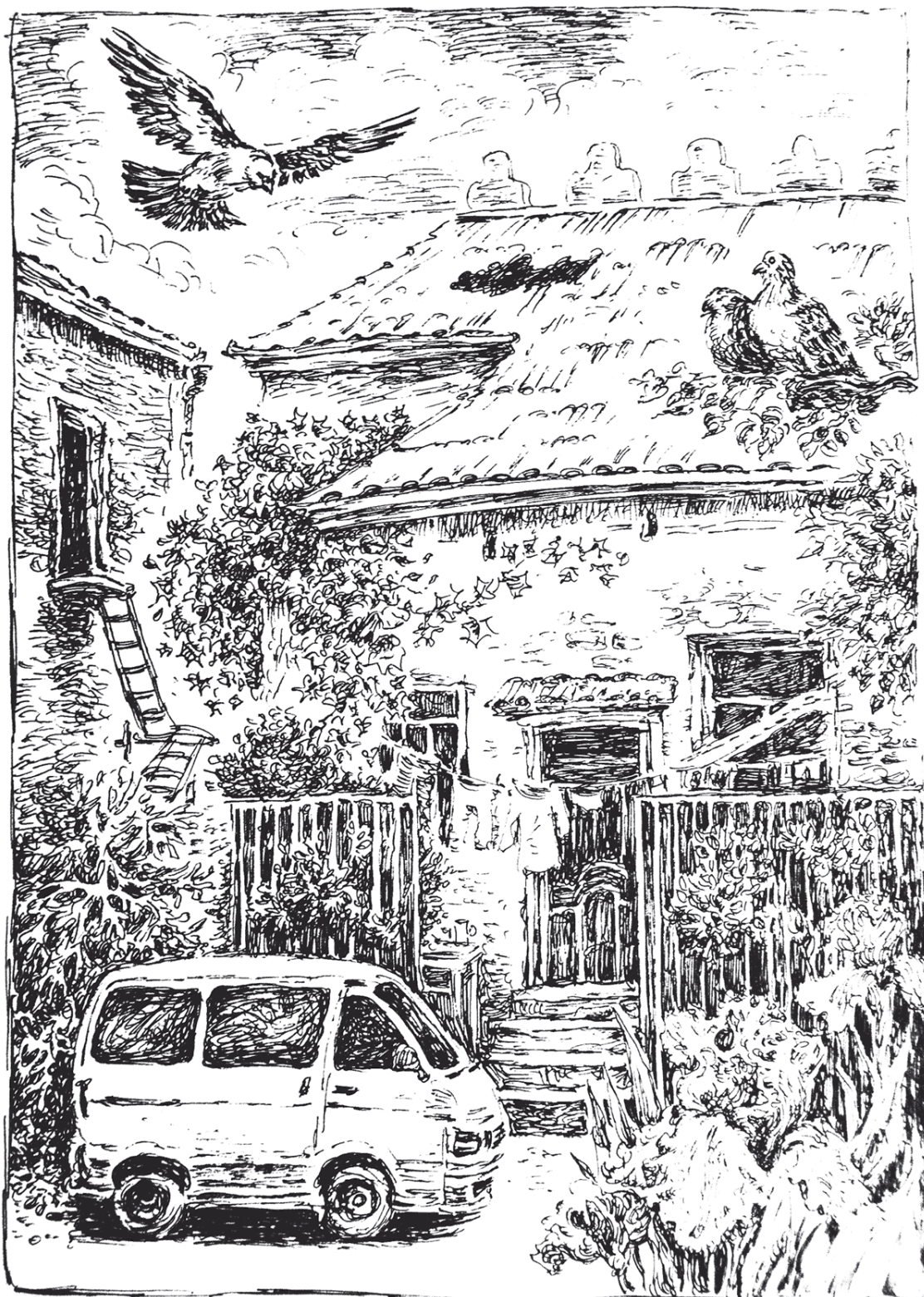
– Это вы нам скажите, что случилось! – потребовал он.

Увы, папа ничего сказать не смог. Не дождавшись признания, Ушицын, не спуская с папы глаз, медленно и веско произнес:

– Создана оперативно-следственная группа! Осуществляется обход территории, наружный осмотр места происшествия и поиск свидетелей. Ищем точку проникновения.

– Проникновения куда?

– Этой ночью был ограблен краеведческий музей! Похищена...

– ...скифская чаша! Да? – восторженно завопила Алёна.

Ушицын уставился на нее:

– Откуда ты знаешь? Я не успел ещё об этом сказать!

– Я догадалась! – завопила Алёна. – Правильно, да?

– Правильно. Может, ты еще знаешь, кто ее украл?

– А я зяю, кто уклал! Мы уклали! – радостно закричала Рита, которой хотелось в чем-нибудь сознаться.

Опер Ушицын подпрыгнул. Рука его, писавшая в блокноте, сама собой нарисовала звездочку. Видимо, звездочка должна была перепорхнуть из блокнота прямоком на погоны.

– Вы? – ласково спросил он, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться одного роста с Ритой.

Рита смутилась.

– А мы не клали, нет? – растерялась она. – Мы уже хотели укласть? Дылку сделать?

– Мы хотели это теоретически! Тут важное отличие! – сердито поправила Катя.

Однако Рита пока не очень понимала, что такое «теоретически». И опер Ушицын, кажется, тоже.

– Ну да! Наш папа всё всегда похищает! Алмаз у шаха похитил с помощью ручной обезьянки, корону у английской королевы! – радостно влез Костя. – И ещё он убивает! Он соседке нашей, которая нам в потолок шваброй стучала, прислал пираний в банке! Смешно, да?

– Очень! – капитан Матушкин взял папу за запястье.

Папа Гаврилов подумал, что вечерами капитан, должно быть, тихо сидит у окошка, смотрит во двор робким девичьим взглядом и завязывает на гвоздиках узелки. Завяжет, полюбу-

ется, потом развяжет. Богатыри, как известно, в спортивные залы не ходят. Им больше по душе тихие забавы с гвоздиками.

– Пройдемте в дом! – твердо сказал Матушкин.

Они прошли в дом. Вокруг папы прыгали Костя и Рита. Из-под стола с визгливым лаем выскочили Вилли и Ричард. Вика унимала их, ловя за ошейники. По линолеуму зашлепали пятки. Это поднялся Саша. Он, как зомби, с закрытыми глазами появился на кухне и стал жадно пить воду из-под крана.

– Не обращайтесь внимания! Он утром как лунатик! И вечером как лунатик. Он всегда как лунатик! – авторитетно объяснила Алёна.

– Это все ваши? – спросил Ушицын. Ему пришло в голову, что, может, кроме скифских чаш и корон английской королевы папа Гаврилов ворует еще и детей.

– Наши! – сказал папа.

Ушицын мучительно задумался:

– А как же вы совершаете преступления? Ну со всеми этими вот?

– Очень просто, – объяснил папа. – В свободное от детей время. Я писатель. Моя фамилия Гаврилов!

На Ушицына это впечатления не произвело.

– И что? Писателям нарушать закон можно? – спросил он.

Капитан Матушкин разглядывал старый газовый котёл, разрисованный драконами. Тут же висела и бумажка формата А4. На ней маркером было криво написано: «БУМАЗКА СПАКОЙСТВИЯ! Я СПАКОЕН. Я СОВИРШЕННО СПАКО...» На этом месте всё прерывалось кривой линией. Должно быть, тот, кто писал, отшвырнул маркер и бросился кого-то колотить.

«Бумазка спаккойствия» отгибалась от сквозняка, и с противоположной стороны возник длинненький человечек с маленькой головой и торчащими ушами. Подписан длинненький человечек был как «Паша Волкаф – идиал мужшсчщины». Это Вика и Катя пытались подражать Сашиной грамотности и одновременно дразнили Алёну. Паша Волков был ее одноклассником.

Выпустив запястье папы Гаврилова, Матушкин подошел к книжным полкам. Постоял, почесал лоб. Отодвинул пузырьки с лекарствами, в которых Саша разводил плодовых мушек. Вытащил из шкафа одну из книг и посмотрел на задник обложки, где была фотография автора. Потом покосился на папу Гаврилова и опять перевел взгляд на обложку. С даты выхода книги папа успел обрасти бородой. Но всё же сходство явно ощущалось, потому что Матушкин призадумался.

Опер Ушицын продолжал допрашивать Гавриловых по поводу скифской чаши. Больше всего его интересовали показания Риты, которая сознавалась во всем подряд и, показывая, где они спрятали чашу, даже вынесла из ванной свой старый горшок.

– Максим, притормози! – внезапно потребовал Матушкин.

Ушицын очень удивился.

– Не, ну интересное кино! – жалобно произнес он.

А капитан Матушкин продолжал скользить пальцами по корешкам книг. Вытаскивал то одну, то другую и все хмыкал и качал головой.

– Невероятно! Все здесь! Невероятно! – воскликнул он.

– Чего «все»? – ничего не понимая, спросил Ушицын.

– Все книги! – увлеченно продолжал Матушкин, поглаживая переплеты. – Вот «Даня Трампов – президент Америки». В ней американского президента, пока он занимался подводным плаванием, подменили на нашего водопроводчика, и никто не заметил. Вот «Пляска скелетов»! Вот «Ваша лягушечка, сэр!» Здесь босса мафии прикончили, воспользовавшись тем, что он любил французскую кухню! Вместо обычных лягушачьих лапок ему подсунули ядови-

тую лягушку-древолаза из Южной Америки! А вот «Аллея слез»! Скульптор убивал своих богатых жен и прятал их в бронзовые статуи фурий для городского парка!

– Ну да... – скромно признал папа Гаврилов. – Я начинал с детективов... Потом уже перешел на фантастику!

– Плохо! – произнес Матушкин неожиданно сурово и с такой силой задвинул очередную книгу на полку, что Сашины мушки-дрозофилы заметались в банках. – Очень «плохо»!

– Что «плохо»?

– То, что вы бросили писать детективы! Это мои любимые! В школе полиции целая ваша полка была! Вы помогли мне выбрать профессию! Я заочно окончил юридический факультет и стал следователем! Я был безумно влюблен в ваш метод! Он не дедуктивный, как у Шерлока Холмса, а театрально-психологический! Вы всегда ставите себя на место преступника! И сами мысленно совершаете все преступления! – сказал капитан Матушкин.

Папа Гаврилов невольно выпрямился. Ему было неловко стоять босым и закутанным в одеяло перед поклонником своего творчества, одетым в выглаженную рубашку. Опер Ушицын, уже расколовший Риту по десяти резонансным делам, тоже подошел посмотреть на книги. На его розовой верхней губе грустно шевелились брови. Чтобы как-то компенсировать себе крушение надежд, он протянул руки и взял у Алёны кролика Чудика.

– Осторожно! – крикнул папа Гаврилов, но было уже поздно.

Кролик Чудик лягнул Ушицына в грудь с такой силой, что закрутился вокруг своих ушей. Ушицын грузно сел на диванчик кухонного уголка, спиной смахнув с подоконника два пластиковых контейнера. На лице опера застыла безмолвная обида. Похоже, его никогда раньше не лягали симпатичные кролики.

– Не, ну интересное кино! – повторил он ещё раз.

Костя метнулся подбирать упавшие контейнеры. Один из них оказался открытым. Костя посмотрел на подоконник. Потом на пол, а после, отбежав к двери, взглянул на спину Ушицына.

– У вас здоровое сердце? – спросил Костя.

– В полицию с больным не берут! – гордо произнес Ушицын.

– Вот и хорошо! – обрадовался Костя. – А то у вас на плече каракурт! Самый ядовитый паук в мире!

Опер медленно повернул голову, посмотрел на свое плечо, и лицо у него начало медленно приобретать пепельный оттенок.

– У... убери! – прохрипел он, протягивая к пауку дрожащую руку.

Богатырь Матушкин медленно заносил над головой толстенный толковый словарь, собираясь прихлопнуть паука, а заодно и сломать оперу ключицу.

– Ой! Не надо!.. И не каракурт это, а черная вдова! – произнес кто-то рядом. Это был очнувшийся лунатик Саша.

– Каракурт! – заупрямился Костя.

– Не каракурт! И не самый он ядовитый! Самый ядовитый – шестиглазый песочник! Кого тыпнет – мгновенная смерть! А от укусов каракурта целых пять человек в год выживают!

– Не выживают! Не пять! – заспорил Костя, и оба брата недовольно уставились на Ушицына, который один теперь, выжив или не выжив, мог разрешить их спор.

Опер перестал бледнеть и посерел. Матушкин застыл с занесенным словарем.

– Не обращайтесь внимания! У нашего Сашечки все пауки или черные вдовы, или пауки-волки! На самом деле это обычный тарантул! Мы его под крыльцом нашли. Видите, на нем такая шерсть? Это не шерсть! Это его дети! Не делайте резких движений, а то они сразу во все стороны разбегаются! – сказала Алёна.

Алёна приблизила к тарантулу контейнер и осторожно подтолкнула его пальцем, чтобы он туда переполз.

– Ненавижу этих насекомых! Заведут, а кормить мне приходится. Ну не глупая ли мелочь? – сказала она и, стряхнув в контейнер к тарантулу сонную муху с подоконника, закрыла крышку.

Ушицын смотрел на Алёну дикими глазами.

– И как вы всё это терпите? – спросил Матушкин у мамы Ани.

– Что именно?

– Ну все это? – Матушкин кивнул на детей.

– Постепенно привыкаешь, – серьезно ответила мама. – Но до конца привыкнуть нельзя.

Опер Ушицын взял со стола заварной чайник и отхлебнул прямо из носика.

– Прямо как наш Петя! Он тоже заварку пьет! – умилилась Алёна. – Кстати, Саша, ты не в этом чайнике вчера опыты ставил?

– Я его помыл.

– Нормально помыл или опять налил воду с йодом?

– Раствор йода, кстати говоря, стерилизует! – возмутился Саша.

Ушицын вновь начал опасно застывать, пытаясь разобраться во вкусе того, что он выпил, но тут в глубинах его кармана застучал барабан. Опер вздрогнул и достал телефон.

– Я работаю! Не могу сейчас говорить! – зашептал он и спрятался за газовый котел.

– Недавно женился. Жена очень ревнивая, – объяснил Матушкин маме Гавриловой.

Минуту спустя опер высунул голову из кухонного шкафчика, виновато крикнул и спрятал телефон в карман. Его воинственное лицо стало мирным и прирученным. Встопорщенные брови улеглись, усы усмирились, и даже стало возможным допустить, что брови – это брови, а усы – это усы.

В дверь забарабанили. Просунулось лицо, похожее на подушку с пришитой к ней шишкой носа.

– Чего тебе, Елкин? – недовольно спросил Матушкин. Папа Гаврилов, заранее подготовленный носом-шишкой, ничуть не удивился такой фамилии.

– Мы обнаружили точку проникновения! На крыше! А эксперт лезть не хочет, – бодро отпартовал владелец уникального носа.

– Как так не хочет? – недоверчиво спросил капитан Матушкин.

– Отказывается, и всё. Говорит, ему прошлого раза достаточно, когда вы его в голубятню послали отпечатки пальцев снимать и под ним пол провалился, – ехидно сказал Елкин, и нос у него мигнул.

Петя прилип к стеклу и увидел упитанного, непрерывно вздыхающего человека, который на корточках сидел рядом с кошкой и магнитной кисточкой для нанесения порошка осторожно касался ее носа, точно замыкал и размыкал электрическую цепь. Когда он касался носа, хвост кошки приходил в движение. Когда убирал кисточку – кошачий хвост утихомиривался. Всё же кошка не уходила, из чего следовало, что приручение идет полным ходом.

Капитан вышел на крыльцо.

– Михалыч, как не полезешь? А что мне в протоколе осмотра писать? – крикнул он, откашлявшись.

– Елкина пошли или Ушицына. Я им аппарат дам фото сделать. А если будет с чего отпечатки снимать – пусть мне электрики люльку подгоняют, – заявил эксперт. – У меня ребра не купленные. Хватило мне голубятни. Сам в гипсовом корсете ходи по жаре. Потеешь, всё зудит, а почесаться нельзя.

Матушкин оглянулся на папу Гаврилова, стоявшего рядом с ним на крыльце.

– Ладно, Михалыч! – разрешил он эксперту. – Ушицын слазит! А ты заканчивай все в музее. Мне нужен общий план зала, та дыра в потолке и с разных ракурсов фото стенда, где стояла похищенная чаша. Отпечатки с пульта охраны снял?

– Со всего снял. С витрины, с пульта, с клавиатуры, с ящика видеорегистратора, с сейфа, – сообщил эксперт.

– А с сейфа зачем?

– На всякий случай. Для сравнения. Отпечатков куча, особенно на витрине. Похоже, весь город приходил, чтобы за витрину подержаться.

Капитан почесал лоб:

– А с видеокамерами что? Есть новые данные?

– Только то, что мы уже видели. В три часа ночи чаша была еще на месте. Потом на некоторое время отключали электричество из-за грозы. Камеры, сигнализация «Штора» на дверях и окнах – ничего не работало.

– А автономное питание?

– Нету у них автономного. Музей старый, система охраны «бери не хочу», – сказал эксперт и ушел, грустно оглядываясь на кошку. Кошка в свою очередь не менее грустно глядела на эксперта. Кажется, эти двое нашли друг друга, а теперь им приходилось расставаться.

– А вы возьмите её! Она ничейная! Хотите, мы её поймем и в коробку посадим? – крикнула вслед добрая Алёна.

– У меня своих котофеев шестеро. Меня мама из дома выгонит, – печально отозвался эксперт.

Алёна разинула рот, пытаясь вообразить, что же это за мама такая грозная, которая может выгнать пятидесятилетнего эксперта полиции из дома. И где в таком случае жена эксперта? Хотя с котами и с мамой жена несовместима, ведь ей пришлось бы отбиваться и от котов, и от мамы.

– Михалыч хороший специалист. По всему Крыму его приглашают, – сказал Матушкин папе Гаврилову. – А что на крышу лезть не хочет – может, оно и правильно. Крыши в Старом городе гнилые.

– А когда поняли, что чаша украдена? – спросил папа.

– Охранник совершает обход каждый час. Утверждает, что в пять утра чаша была на месте. В шесть ее уже не было. Говорит, что сразу бросился к тревожной кнопке. Прибыли вневедомственники, а еще через несколько минут – дежурный экипаж ППС. Сразу оцепили входы, выходы, проверили окна, подвалы, служебные помещения – ничего.

– А свет к тому времени уже был?

– Да. Электричество дали примерно в половину шестого. Мы уточняли на станции.

Пока Матушкин и папа Гаврилов беседовали, Ушицын пробежался по двору, заглядывая ко всем соседям. Он искал лестницу, чтобы забраться на крышу. И капитану Матушкину давно пора было приниматься за работу, доставать протокол осмотра, извлекать из кармана верную ручку и писать-писать-писать, но ему не хотелось расставаться с любимым автором юности, указавшим ему жизненный путь. К тому же мама Гаврилова всунула Матушкину чашку с кофе. Тот повертел ее в руке и, буркнув «Сахара две ложки? Я с двумя пью!», опустил на верхнюю ступеньку крыльца.

– Вот... группа наша работает. Следовательно, то есть я, опер и эксперт, – доверительно сообщил он папе.

– А сержант Елкин? – влез Петя.

– Елкин из дежурного экипажа ППС. Прибыл на срабатывание системы. В следственную группу он не входит, – сказал Матушкин.

Он допил кофе и, точно решаясь на что-то, повертел в руках пустую чашку. Потом внезапно предложил папе Гаврилову:

– А не хотите со мной осмотреть место происшествия? Вдруг идею какую подкинете свежую? Директор музея уже приехал.

– Я уже давно детективы не пишу. Я могу придумать, как ограбить музей, а вот как раскрыть... – растерялся папа Гаврилов.

– Вот и придумайте, как его ограбить. Зато проверим, работает ли ваш метод на практике или это так, чистая литература. Согласны?

Папе, конечно, немедленно захотелось проверить, действует ли его метод. Ведь когда пишешь детектив, можно сделать преступником кого сам захочешь, да и вообще легко знать разгадку, когда сам придумал загадку, а вот тут...

– А когда осматривать будем? – спросил папа, поддаваясь соблазну.

– Да чем скорее, тем лучше. Днем могут оперативного дежурного прислать. Будет во все вмешиваться, начальнику управления по телефону докладывать. А на ближайшем совещании еще группу наверняка создадут. Старший будет из кабинета версии двигать и оперов на проверки гонять. Тогда уже никого постороннего не проведешь, а пока можно.

– А я могу с вами пойти? – спросил Петя.

Матушкин покосился на него с сомнением:

– Ладно уж! Только руками ничего не трогать! Эксперт работу уже закончил, но мало ли... Идёт?

– Идёт! – сказал Петя и стал торопливо отыскивать брюки.

Насколько он помнил, всех великих сыщиков мужского пола отличала эта общая черта: они были в брюках. «Хотя нет. Отец Браун носил сутану! И мисс Марпл точно была без брюк...» – поправил он себя.

Глава третья

Чаша, шарфик и пулемет

И стал пуце глядеть во все виды и вдруг заметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царица, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

«Семь Симеонов». Русская народная сказка

Когда папа Гаврилов и Петя вышли из дома, у забора вертелся Святослав Кузин, оболтус двадцати пяти лет, живший напротив Гавриловых. В настоящий момент Кузин пытался любой ценой прорваться в ничейный закуток. Но, увы, единственный проход преграждали крепкие плечи лейтенанта Ушицына. Рядом сурово мерцал носом сержант Елкин.

Святослав Кузин, называвший себя потомком генуэзцев, действительно походил на итальянского мафиозо. У него были густые брови и черные, жесткие как проволока волосы. Ходил крымско-итальянский мафиозо вразвалку и одну руку постоянно держал в кармане. Кто-то мог подумать, что в кармане пистолет, но там были семечки, которые Кузин лузгал практически круглосуточно. Там, где он проходил, всегда оставалась дорожка от шелухи.

- Мне нужно велосипед взять! На работу ехать! – настаивал Кузин, соря шелухой.
- Нельзя! – запрещал опер Ушицын. – Не положено!
- Почему не положено? Это мой велосипед!
- Вот разрешат взять – тогда заберешь, а пока не положено. Вдруг с помощью твоего велосипеда было совершено преступление? – возражал Ушицын.
- Святослав Кузин напрягся и даже смутился:
- Как это – с помощью моего велосипеда?

– А я уж не знаю как! Следствие определит! Ничего не хочешь сообщить? Чистосердечное признание смягчает вину!

И Ушицын устремил на Кузина свой коронный взгляд. Взгляд у лейтенанта был исключительной проницательности. Только что он проницал кошку, до этого проницал любопытную старушку, торчавшую в окне, а теперь проницал Кузина. Святослав Кузин задрожал и попятился. Ему больше не хотелось велосипеда, а желалось скрыться.

– Постой! Документы у тебя с собой? – остановил его Ушицын.

– Д-дома, – заикнулся Кузин.

– Плохо! С собой нужно носить! Живешь здесь? Ночью видел что-нибудь подозрительное?

Оказалось, что живет Кузин здесь, причем с детства, но ничего подозрительного не видел.

– Род занятий?

Святослав смутился и что-то заблеял, поскольку род занятий у него был «мелкий компьютерный жулик».

Петя понял кузинские сложности самоопределения и мстительно расхохотался. Недавно он имел неосторожность вручить Святославу для починки свой ноутбук, и с тем после ремонта стали происходить чудеса. Систему Кузин восстановил, но жесткий диск почему-то изменил производителя и стал вдвое меньше по объему. Кроме того, появилась странная программа удаленного доступа.

«Да-а... Этот Кузин тот еще фрукт! Ему до человека триста дней практики!» – говорил Петя, просматривая в компьютере список запущенных процессов.

– Место работы? – нетерпеливо повторил Ушицын, не дождавшись ответа.

– Я – это... устраиваюсь только... – промямлил Кузин.

– А как же ты собирался на работу ехать? – насмешливо спросил лейтенант.

Святослав не нашелся что сказать, растерялся окончательно и поспешил улетучиться. Взгляд Ушицына, догоняя, проницал его спину.

– Занятно! Преступников вечно тянет на место преступления! – задумчиво произнес он. – Где велосипед этого фрукта?.. Хм... Велосипед «Джант», рама алюминиевая, цвет рамы синий, двадцать шесть колес... Кажется, где-то в Старом городе украли велосипед с алюминиевой рамой! А, Володь, слышишь? Какие там были колеса, не помнишь?

Матушкин, не отвечая, разглядывал стену. На стене были отчетливо видны грязные пятна от ног и следы сбитой штукатурки. К желтой газовой трубе была привязана полоска ткани.

– Эксперт тут был? Всё снимал? – спросил он у Елкина.

– Тут – да. Он только на крышу не залезал, – ответил сержант.

– А следы ног?

– Тоже. Говорит, есть отчетливые. И пробы почвы брал.

– А отпечатки на газовой трубе?

– Я его вроде подсаживал, и он кисточкой своей водил, порошок мне на голову сыпал, – сказал Елкин.

Матушкин присел на корточки, положил на колени протокол осмотра и начал быстро писать. У него была с собой картонка с зажимом. Примерно с такой же картонкой Катя ходила на летнюю практику в художественной школе.

– Так! – сказал следователь. – Картина ясна. Преступник проник через двор. Лестницы у него с собой не было. Он привязал к газовой трубе какую-то тряпку и по ней поднялся на крышу. Помогал себе ногами... Вон грязь осталась!

Петя, бочком просочившийся мимо сержанта Елкина и Ушицына, изучал то, что Матушкин назвал тряпкой. Только это была не тряпка. Это было что-то очень знакомое. Петя дернул папу за рукав.

– Смотри! – прошептал он. – Шарф нашей соседки Кристины!

– Больше двух говорят вслух! – не отрываясь от протокола, произнес Матушкин.

– Он спрашивает, можно ли забрать самокат Алёны! – нашелся папа Гаврилов.

Следователь замотал головой:

– Пока нет. Хоть эксперт всё и осмотрел, лучше ничего не трогать. Скоро начальство придет. Поэтому постарайтесь детей не пускать!

– Ну и не пускайте! А мы к вам и не ходим! – донесся возмущенный голос, и с крыши, над местом, где был привязан шарф, свесилась голова Кости.

Матушкин выронил ручку и застонал. Какой смысл охранять закуток внизу, когда ребенок уже на крыше?

– Уберите его оттуда! Мы ведь еще на крыше ничего не сняли! – крикнул он.

Папа Гаврилов и Петя бросились к газовой трубе. Матушкин, опомнившись, преградил им дорогу:

– Не затапывайте следы! Не трогайте газовую трубу! Как ты там оказался?

– Меня Алёна подсадила! Через наше крыльцо! – охотно объяснил Костя.

– А Алёна как на крышу попала?

– Алёну Саша сверху тянул!

– А Сашу кто на крышу закинул?

– Саша куда угодно залезет! Он дверь открыл, на ручку наступил – и забрался! – гордясь братом, объяснил Костя. За его спиной послышался грохот и радостный вопль Саши:

– Тут в крыше дыра! Всё внутри видно! А еще я свою ковырялку нашел!

– Мальчик, уйди оттуда! Уберите ребенка! Вы будете отвечать! – закричал Ушицын на папу Гаврилова.

– Алёна! Ты наверху? – окликнул папа.

– Вроде бы! – донесся с крыши не очень уверенный голос Алёны.

– И что в дыру видно?

– Да ничего мне не видно! Мне мокро. Это Саше видно. Он дерево трогает!

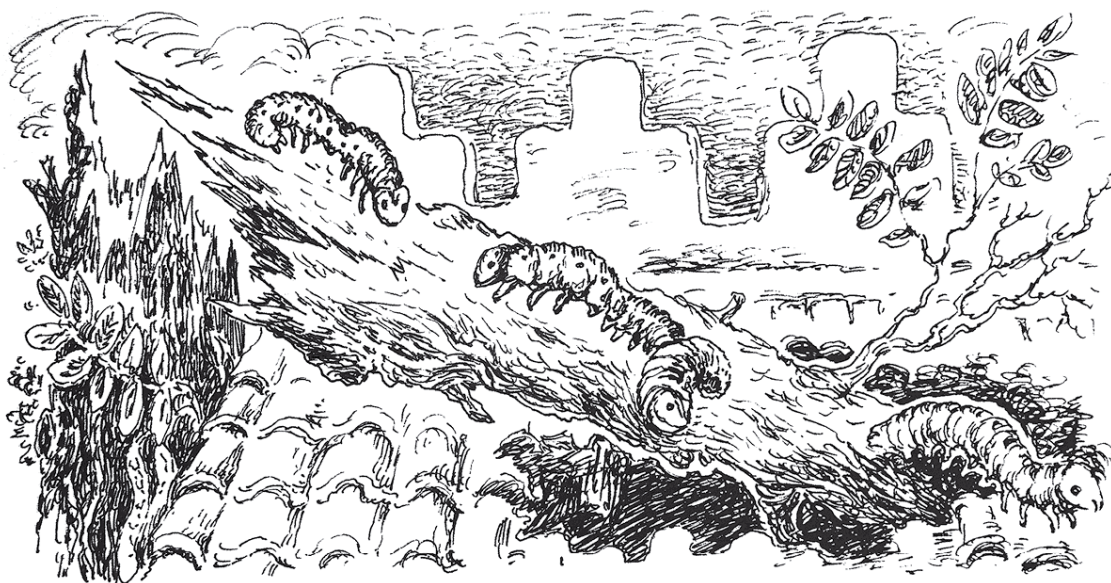
– Какое дерево?

– Здесь ветка огромная лежит. Крышу пробила. И он на ней каких-то гусениц собирает!

– Пусть не трогает улики! – взвыл Ушицын.

– Алёна, скажи Саше, что гусеницы – это улики! – весело крикнул папа.

– Хорошо! – Алёна что-то закричала Саше, получила ответ и тут же передала его: – Он говорит, что никакие это не улитки, а обычные гусеницы!

– Всё равно уберу Сашу от дыры!

– Он меня не слушает, – философски ответила Алёна.

– А ты сделай, чтобы послушал!

– Ну ладно! – довольно вяло согласилась Алёна, и тут же в голосе у нее вспыхнуло предвкушение: – Но имейте в виду, я использую рычаги воспитания!

«Рычагами воспитания» Алёна называла красные, торчащие в разные стороны уши Саши, так и напрашивающиеся на методы активной педагогики. Голос Алёны сместился и затих. Должно быть, стараясь остаться незамеченной, она подползала к «рычагам воспитания». Однако прежде чем она подползла, послышался треск черепицы и крик.

– Алёна! Что там? – закричал папа Гаврилов.

– Этот чудик попытался через ветку перелезть и куда-то провалился, – отозвалась Алёна. – Считается, что я выполнила поручение, или не считается?

Опер Ушицын и папа Гаврилов одновременно издали два вопля. Ушицын оплакивал уничтожение улика, а папа переживал за Сашу. Сержант Елкин и еще один полицейский притащили из соседнего двора заляпанные краской малярные козлы. Их нижняя доска, обращенная к земле, была в два слоя покрыта виноградными улитками.

Первым на козлы вскарабкался папа Гаврилов, за ним Ушицын и капитан Матушкин. Крыша докторского дома набирала высоту постепенно. Вначале, там где была пристройка, шел обычный шифер, дальше высился небольшой парапет в форме зубцов крепостной стены, а новый набор высоты за ним был уже выложен старой массивной черепицей.

Привстав на локтях, папа Гаврилов увидел дыру в черепице, в которую сгинул Саша. Из дыры торчала здоровенная ветка тополя. Это была даже не ветка, а часть раздвоившегося ствола. Сам тополь рос в соседнем дворе и служил для всех кошек района удобной лестницей на окрестные крыши.

У дыры, раскинув руки, на животе лежала Алёна и пыталась заглянуть внутрь. Лейтенант Ушицын опустился на четвереньки и быстро побежал по черепице. За ним на животе полз папа Гаврилов. Он полз и окликал Сашу, но Саша не отзывался. Воображению папы рисовались всевозможные ужасы. Последним осторожно двигался тяжелый капитан Матушкин, опасавшийся провалиться.

– Шифер негодный... гниль одна!.. Рубашку вот испортил! – бормотал следователь.

Папа Гаврилов добрался до дыры почти одновременно с Ушицыным и, переживая, заглянул в нее. Под осыпавшейся черепицей был виден небольшой чердачок. Папа с облегчением выдохнул, обнаружив, что Саша сидит на корточках и засовывает мизинец в отверстие в балке.

– Здесь личинки! – сообщил он папе.

– Какие личинки? – спросил папа.

– Не знаю! Может, жука-древоточца? Кто-то же прогрыз? – засомневался Саша и тотчас застрял в щели мизинцем. Он стал дергать его, но мизинец не выходил.

– Или в меня кто-то вцепился, или я сам застрял! И, кстати говоря, тут дыра! Весь музей видно! – сообщил Саша.

Ушицын раздраженно запыхтел. Затем велел папе Гаврилову отползти в сторону и сделал несколько фотографий.

– Так! Отпечатки, если и были, смыло дождем. С крыши проникли на чердак, с чердака – в музей, – произнес Ушицын и вдруг схватил что-то с крыши. – Одна есть! Под черепицей застряла! – воскликнул он.

– Что есть? Что вы делаете? – спросил папа Гаврилов.

– Улики собираю! Фантик от конфеты!

– Это «улики» называется? Давайте я вам еще «уликов» дам! – обрадовался Костя, сидевший выше, у конька крыши, и на Ушицына дождем посыпались фантики. Опер застыл.

– Это твой, что ли, фантик? – спросил он у Кости.

– Ну да. Костя конфеты ел, пока Саша ветку трогал! – наябедничала на братьев Алёна.

Ушицын оглянулся на Матушкина и через дыру спустился на чердак. Чердак был низким, во весь рост мог выпрямиться только человек размеров Саши. Ветка, пробившая черепицу, пробила и потолок музея. Щель была тут же, совсем близко. Ушицын наклонился и просунул в нее голову. Стало слышно, как он перекикивается с кем-то внизу.

Матушкин приподнялся, достал бланк и продолжил быстро писать. Слова вспрыгивали на строчки, как куры на насест. Папа Гаврилов даже позавидовал мгновенности полицейского вдохновения. Матушкин неслся вперед, не сомневаясь ни в выборе слов, ни в перипетиях сюжета, охваченный единственным желанием: донести до читателя правду жизни – что вот в крыше есть дыра, а в дыре есть ветка. И что это вовсе не дыра, а точка проникновения. И даже не совсем ветка, а средство совершения преступления. И гусеницы на ветке, возможно, не совсем гусеницы, а свидетели. Папа Гаврилов смотрел на громадный тополь, который, лишившись одной из своих двух вершин, все равно оставался впечатляюще высоким и с каждой секундой становился в его глазах все преступнее и преступнее.

Только в одном месте Матушкин затруднился. Следы ствола, ударившего по крыше, – это следы давления или следы скольжения? Понятно, что когда бьют – это следы давления. Но тополь-то ударил косо, по большой площади, и где-то пробил черепицу, а где-то просто оцарапал ее. А кое-где отдельными ветками подковырнул черепицу, не разбив ее, – это как назвать? Следы подковыривания?

– Ветка – это какое орудие? Долбежное? – спросил Матушкин у папы Гаврилова.

Папа Гаврилов глубокомысленно замычал, скрывая свое незнание.

На протокол Матушкину ветер смел узкие колючие пластинки, темные с одной стороны и светлые – с другой. Эти пластинки в небольшом количестве забились в зазоры между черепицей.

– Семечки какие-то... – сказал Матушкин и сдул шелуху с протокола. – Да, вспомнил: лом, топор и долото – долбежные орудия! А вот ветка, возможно, является средством. Или тоже орудием... шут его знает.

– А чем средство отличается от орудия? – спросил папа Гаврилов, переставая скрывать незнание.

Матушкин настолько удивился, что даже перестал писать.

– Вы же автор детективов! – воскликнул он с укором.

– Да. Но я всегда путал средства и орудия преступления. Например, если падишаха ударили по голове табуреткой, то табуретка – это что?

– Орудие.

– Ага. А если преступник добирался до места преступления на специально купленном для этой цели ослике, то ослик что? Средство преступления?

– Средство.

– Хорошо! А если негодяй кольнул ослика шилом и ослик – то есть, по-вашему, средство – лягнул падишаха в лоб копытом, то орудие преступления – это ослик или шило? Или шило – уже средство, а ослик – орудие?

Матушкин задумался.

Из щели высунулась голова опера Ушицына.

– Я вот о чем думаю! – сообщила голова. – Потолки в музее очень высокие. Какая ловкость нужна, чтобы спрыгнуть вниз, в темноту, ничего себе не сломать и не наделать шума! А подняться назад? Даже если была веревка, которой сейчас почему-то нет. Преступник физически очень сильный человек!

Ушицын посадил Сашу, и папа Гаврилов подхватил его за локти, чтобы тот сумел выбраться. Затем все спустились с крыши. Саша спустился сам, потом опять взлетел по стене

и так метался бы туда-сюда до бесконечности, не отлови его Алёна за один из «рычагов воспитания».

К тому времени двор уже наполнился любопытными. Тут были и мама Гаврилова, и Вика с Катей, и подскакивающие от лая собачьи мужчины Вилли и Ричард, и кутающаяся в плед таинственная Кристина с вечной чашкой чая в руке, и компьютерный гений Святослав Кузин, и учитель физкультуры Адам Тарасюк.

– Все участники программы «Неравнодушные соседи» здесь! – сообщил папа Гаврилов, передавая маме Сашу и Костю, чтобы она держала их покрепче.

Но тут были не только соседи. Здесь же толкался и хозяин гостиницы Бугайло, невесть как проникший в чужой двор. Пузатый, чернобородый и зловещий, он выглядывал из-за полицейской машины. Рядом стоял его высушенный как скелет водитель с татуированными руками.

Зоркий Ушицын сразу выцепил в толпе новые лица.

– А вы из какого дома? Где живете? – спросил он.

Бугайло сплюнул в сторону:

– Да мы это... просто мимо проходили.

– Проезжали, – добавил водитель.

– Вот и проезжайте себе дальше! – строго сказал Ушицын.

– Проедем, командир! Нам повторять не надо! – пообещал Бугайло. Он стоял, скрестив толстые руки на груди, и вспышки невыключенной полицейской мигалки отражались в его темных очках.

Матушкин подозвал сержанта. Елкин спрятал за спину недоеденный кусок пирога, вытер губы и подошел, мигая носом.

– Сержант! Удалить со двора всех посторонних! Этот угол чем-нибудь огородите! Никого не пускать!

– Всё сделаем! Муха не пролетит! – пообещал Елкин, и тут же рядом пролетели три или четыре мухи. Одна даже села на пирог. Елкин смахнул ее.

– Где пирог взял? – спросил Матушкин.

– Вон та женщина угостила, – объяснил Елкин, глазами показывая на Кристину.

– Зачем?

Цель Елкин назвать затруднился и предположил, что он ей просто понравился. Матушкин не допустил, что с таким носом, как у Елкина, можно кому-то понравиться:

– Эх, сержант! Тут или подкуп, или пирог с психотропными препаратами! Уколы от шприца проверял? Давай сюда, я на экспертизу отдам! – потребовал Матушкин.

Отобрав у Елкина пирог, Матушкин внимательно понюхал его и откусил большой кусок с той стороны, которой не касались зубы сержанта.

– Ну что? Как экспертиза? Есть препараты? – тоскливо спросил Елкин.

– Скоро узнаем! А теперь в музей! Еще раз все осмотрим! – сказал Матушкин, доедая пирог.

Они вышли со двора и, обойдя здание музея вдоль длинной наружной стены, направились к главному входу. Приходилось прижиматься к дому. Ночью прошел такой ливень, что узкий проулок превратился в бурную реку. В спешащих к стоковым решеткам темных потоках кружились листья, ветки и даже чей-то шлепанец.

Папа Гаврилов шел и размышлял о старых городах с лабиринтами запутанных улочек, где все кажется далеким, а на самом деле очень близко. Может, и в других важных вещах действует тот же принцип? Думаешь, будто искать надо где-то далеко, а на самом деле всё самое важное рядом. За папой кралась Саша, Костя, Рита и другие дети. Их в музей не приглашали, но они всё равно увязались, пользуясь тем, что мама за ними не усмотрела. Петя забежал вперед Матушкина и Ушицына и, оборачиваясь, сыпал идеями.

– А я бы не так грабил музей! – тарахтел он, когда они проходили мимо корабельных пушек. – Я бы пушку развернул, зарядил ее и бабахнул в стену музея!

– И самого бы камнями присыпало. Да и тяжелые пушки слишком. Мы на выпускном всем классом одну пытались приподнять – ни на сантиметр не сдвинули, – подумав, сказал Матушкин. – Хотя план ничего... Как тебя зовут? Петя? Быстро соображаешь!

Петя скромно потупился.

В музее их уже ждали. У входа стоял лысый человек средних лет. Нервничая, он вертел в руках платок, которым поочередно протирал то очки, то лысину.

– Здравствуйте! Я Марк Иосифович Гупт, директор! – представился он, пропуская Матушкина с Ушицыным и вопросительно косясь на Петю и на папу Гаврилова.

– Эти со мной! – заступился за папу Матушкин.

– А эти, получается, со мной, – добавил папа Гаврилов, обнаруживая целую кучу детей, которые пытались просочиться в музей мимо директора. – Катя, Вика! Держите, пожалуйста, Сашу за руки!

– Почему меня? Я что, маленький? Это я буду держать всех за руки! – завопил обиженный Саша.

– Идет, – согласилась умная Катя. – Держи ты нас за руки! Одной рукой меня, другой Вику!.. Только крепко держи, чтобы мы ничего не трогали!

Кате, как и папе, было хорошо известно, что ручки Саши имеют необыкновенное свойство все хватать, причем нередко действуют независимо от мозга. Равно как и Сашины ноги, когда бегают, обычно действуют сами по себе.

– Мне кажется, родительские проблемы можно измерять в мальчиках, а терпение в Сашах, – вздыхала мама.

– Ничего! – успокаивал её папа. – Это не гиперактивность, это запас жизненных сил! Когда все остальные подустанут от жизни, Саша как раз войдет в норму.

Капитан Матушкин разглядывал Сашу с большим сомнением. Видно, все еще не забыл, кто провалился в дыру на крыше.

– Дети точно не будут ничего трогать? Обещаете? – строго спросил он у папы.

Катя пришла папе на помощь:

– Да что мы можем потрогать, когда Саша нас держит? Рита! Схвати меня быстренько за другую руку, чтобы я этой рукой ничего не потрогала!

Рита, гордая поручением, схватила сестру за другую руку.

Зал археологии, из которого была похищена чаша, являлся продолжением большого зала караимов, крымских татар, гуннов, хазар и печенегов, составлявшего экспозиционное сердце музея.

Рядом с макетом древнего города директор Гупт на минуту остановился и стал щелкать тумблерами. При этом он снял очки, и глаза его стали близорукими и беззащитными. Едва ли

он видел сейчас макет, но ему и видеть ничего не надо было: он его чувствовал. Папа Гаврилов заметил, что когда Гупт надевает очки, он становится официальным. Когда снимает – превращается в доброго старину Гупта, художника-миниатюриста.

При первом щелчке погас свет. При втором жалюзи сами собой опустились, и зал погрузился во тьму. Директор коснулся третьего тумблера – и древний город ожил. Опережая наступающий рассвет, зажигались огоньки в мечетях, и дрожащие голоса с минаретов звали на утреннюю молитву. Мечети в разных концах города просыпались не одновременно, и голоса накладывались, дробились, растекались волнами. На макете вспыхивали огоньки то в караван-сараях, то в кузницах, то в окнах ханского дворца. Маленький живой ручей вертел колеса мельниц. Взяв на холмы, небольшими группами жались друг к другу деревья садов-чаиров. В эпоксидном море на нитяных якорных канатах дожидались погрузки купеческие корабли.

– Красиво, правда? – спросил Гупт у папы Гаврилова. – Даже не верится, что всё это сделал один-единственный человек – Емельян Новицкий! Замечательный скульптор, гончар, керамист, художник! Он был научным сотрудником музея. К сожалению, в начале года министерство сократило ставку научного сотрудника, и теперь Емельян числится у нас гардеробщиком. Я пытался отвоевать его – но разве это я решаю, кому быть научным сотрудником? Особенно когда ставки нет! Обидно, очень обидно!

Гупт надел очки и раздраженно прищелкнул их ногтем, загоняя на место. И сразу же добрый художник исчез. Появился строгий директор, щелкавший тумблерами. Жалюзи раздвинулись, свет вспыхнул – и чудо исчезло. Сразу за макетом, сужая проход и отмечая этим начало нового зала, стояли стеклянные шкафы с украшениями и бронзовыми монетами. На стенах висели кольчуги, луки и шлемы ханских воинов.

– Нам сюда! Пожалуйста!

Гупт остановился у высокой узкой витрины. Над ней в потолке было отверстие, в которое Ушицын немного раньше уже заглядывал с чердака. Вокруг витрины лежали клочки утеплителя, листья тополя и раскрошенные обломки гипсокартона, напавшие сверху.

– Вчера чаша стояла здесь! – сказал Гупт и потянулся протирать платком очки, но, раздумав, промокнул взмокшую лысину. Рядом с витриной у открытого чемоданчика колдовал эксперт. Окуная в порошок магнитную кисточку, он обрабатывал металлические крепления, державшие стекло.

– Вот, проверить решил! – объяснил он издали. – Не пойму, как чашу вытащили, если витрина не тронута! Никаких следов насильственного проникновения!

Матушкин с сомнением оглядел витрину.

– Вообще никаких? – удивился он.

– Стекла целы, всё цело. Есть мелкие царапины от отвертки на креплениях и на винтах, но они могли возникнуть, когда витрину монтировали изначально. Просто похищение века! – отозвался эксперт.

– Разбить стекло преступник не рискнул, чтобы не услышал охранник. Он предпочел снять его. Потом достал чашу и вернул стекло на место, – предположил Ушицын.

– В крошечной темноте? Освещение отключилось вместе с камерами, – скептически заметил Матушкин.

Он сидел на стуле дневной дежурной, на спинке которого еще висела женская кофта, и продолжал быстро вести протокол осмотра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.